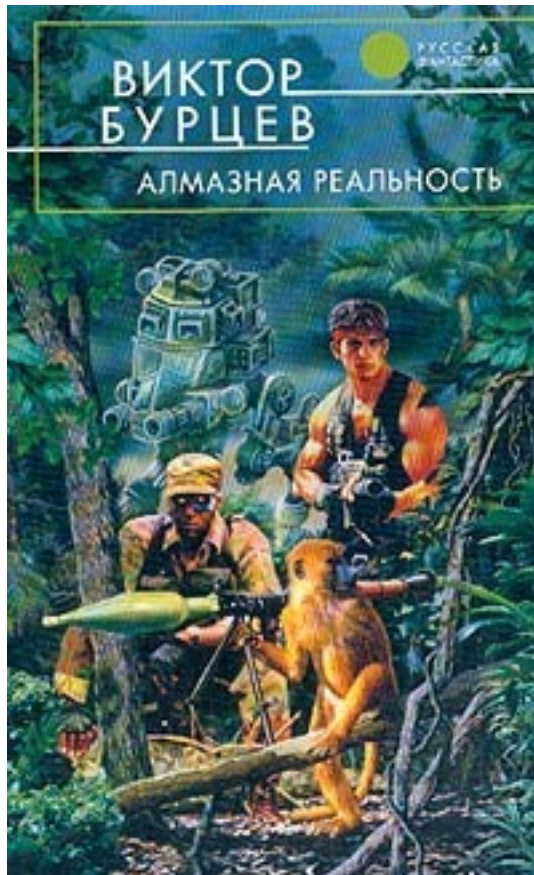

ВИКТОР
БУРЦЕВ

АЛМАЗНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

РУССКАЯ
ФАНАСТИКА

Алмазные нервы

Виктор Бурцев

Алмазная реальность

«Автор»

Бурцев В.

Алмазная реальность / В. Бурцев — «Автор», — (Алмазные нервы)

Середина XXI века. Независимый журналист Константин Таманский отправляется в качестве военного корреспондента в Африку, где между местными империями много лет идет тотальная кровопролитная война с использованием солдат-киборгов, космических спутников с лазерными орудиями и других военных технологий будущего. Фиксируя небывалые зверства воюющих сторон и абсолютную бессмысленность происходящего, Таманский приходит к выводу, что в этой бойне заинтересованы куда более могущественные силы, нежели марионеточные правительства банановых республик или мировые сверхдержавы. И даже принимающие участие в военных действиях зловещие боги вуду, скорее всего, лишь фигуры на шахматной доске незримых игроков.

© Бурцев В.

© Автор

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Краткий словарь используемых в тексте терминов	6
ИНТРОДУКЦИЯ	7
Часть первая	11
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктор Бурцев

Алмазная реальность

(Алмазные нервы-2)

ОТ АВТОРА

ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, ЧИТАТЕЛЬ!

Суть моего маленького вступления сводится к следующему. Я хочу, чтобы ты сразу понял, что держишь в руках не прямое продолжение первых «Алмазных НЕРвов». История с ними завершилась. Они появятся в этой книге только как намек на то прошлое, которое уже не веротишь.

Книга, которую ты держишь в руках, не о НЕРвах, а о людях. А писать о них (и, я надеюсь, читать) гораздо интереснее, чем о проблемах виртуальных войн (которые, конечно, тоже будут освещены).

Недавно меня упрекнули в «апелляции к реальности». Да, эта книга привязана к реальности, к нашей с вами современности. И это сделано для того, чтобы стало ясно: в нашем мире возможно все. Не завтра, не послезавтра, а прямо сейчас. И все, что происходит сейчас с нами, завтра может стать Историей.

Краткий словарь используемых в тексте терминов

Лоа Легба – древнее африканское божество (лоа) племени фон. К этому божеству наиболее часто обращаются те, кто связан с колдовской системой ВУДУ.

Барон Суббота – лоа смерти в мифологии племени фон. Входит в пантеон основных божеств колдовской системы ВУДУ.

ИскИн – общепринятое сокращение, обозначающее Искусственный Интеллект.

Служба Тьюринга – специальная международная организация, занимающаяся вопросами безопасности систем искусственного интеллекта (выдумана, если не ошибаюсь, У. Гибсоном).

Тест Тьюринга – тест на «разумность». Используется в работе с системами искусственного интеллекта.

КИ – Коэффициент Искусственности.

ОСААз – Орбитальная Система АнтиАстероидной защиты. Система управления анти-астероидным щитом Земли. В прямом подчинении Службе Тьюринга.

СНУКЗИ – Спутник Непосредственного Управления Космической Защитной Инициативой. Исполнительная часть АнтиАстероидного щита. В прямом подчинении Службе Тьюринга.

ИНТРОДУКЦИЯ

Двадцатый век не знает, что такое война.
Дэн Симмонс. «Дети ночи»

И лесоруб никогда не уловит мгновение смерти
В стоне деревьев, которые он убивает.
Федерико Гарсия Лорка. «Ода королю Гарчема»

КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Независимый журналист. 37 лет

Курорт курорту рознь.

Как можно назвать курортом Кипр, например, где вода нафарширована мельчайшими частицами ржавчины, а у берега торчат развороченные взрывами ракетные крейсера и миноносцы?

Как можно назвать курортом Крым, где на пляжах больше долговременных огневых точек и капониров, чем зонтиков от солнца?

Поэтому я и выбрал Реюньон. Когда-то он был частью Франции, а теперь стал маленьким уютным гнездышком для отдыха убежденных холостяков типа меня, с прохладной выпивкой под каждым кустом, симпатичными домиками с необходимым минимумом удобств и классными негритянками. Я вбухал в этот отдых дикие деньги, но, знаете, он того стоил. Да и после всей этой истории с НЕРвами мне ничего другого не оставалось.

На острове тоже чувствовалось дыхание войны. Ночами бороздили небо звенья стратосферных перехватчиков, а во многих километрах отсюда, в Мозамбике, в джунглях, гибли тысячи людей. Слава богу, до применения тактического ядерного они еще не дошли, но рано или поздно чей-то черный или белый палец нажмет на кнопку. Скорее черный – белые наемники азартно палят друг в друга среди джунглей, а командуют черные. Маршал Нкелеле, маршал Ауи, генерал-адмирал Кеньята-Джуниор...

Я пробыл на Реюньоне восемь дней из оплаченных пятнадцати, после чего плюнул, собрал манатки и вернулся в Новую Москву.

И дернул меня черт в первый же день отправиться в Московский городской банк...

Клерк выскочил из-за своей стойки одним прыжком, ловко, словно специально тренировался несколько дней. Только что он перекладывал стопки розовых пластиковых листов, и вот он стоит, обводя зал коротким рыльцем компактного юаровского автомата.

Я понял, что сейчас он будет стрелять. Это не ограбление, просто человек чокнулся. Такое бывает, и, между прочим, все чаще и чаще.

Клерк молчал, словно ожидая сигнала. И сигнал последовал. Метрах в пяти слева от меня, у большой декоративной пальмы, дико завизжала девчонка лет шестнадцати в суперкороткой малиновой юбке и прозрачной футболке. Клерк дернулся, палец нажал на спуск, и автомат плюнул очередь в зал.

Визжавшая девушка смолкла. Прозрачную футболку смяло и вдавило в тело, кровь веером хлестнула вокруг, и тут уже орать начали все. Упали еще человека три, в том числе дежурный милиционер, оказавшийся под той же пальмой, потом на пол посыпались остальные – трудно было понять, раненые или же просто укрывающиеся от пуль.

Клерк стоял, поводя автоматом на уровне бедер, и методично обстреливал зал. Летели куски стекла и пластика, рикошетили от стен и металлических частей фурнитуры пули... Я залег за массивной банкеткой.

Неожиданно стало тихо, лязгнул высвобождаемый магазин. Слышно было, как среди женского всхлипывания и чьих-то безнадежных стонов клерк бормочет:

– Ненавижу... Ненавижу... Цок-цок-цок, мой ослик, в Вифлеем бегом...

Кажется, это была какая-то рождественская песенка, но я сконцентрировался на бритом наголо парне лет двадцати пяти, который лежал за соседней банкеткой. К нему прижималась стриженная девушка в черном: он осторожно оттолкнул ее из недр своей куртки, извлек пистолет – кажется, «илама», но я бы не стал утверждать это под присягой – и аккуратно выкатился из-за своего укрытия.

Клерк инстинктивно вскинул автомат, хотя еще не успел вставить новый магазин, а бритый точно, как на учениях, всадил в него пулю, прямо в грудь, в белый костюм. Потом, когда клерк начал заваливаться назад, он выстрелил еще раз, в пах. Третья пуля подсекла ногу клерка, и тот, повиснув на прозрачном кассовом щите, неуклюже свалился на пол. С бряканьем упал автомат.

– Готов, – громко сказал я, поднимаясь и отряхивая плащ. – Спасибо, приятель.

Бритый искоса посмотрел на меня, но ничего не сказал. Его девушка тут же повисла на нем и принялась целовать. В раскрывшиеся двери повалила милиция, и первый, кого я увидел, был капитан Курицын. Он меня тоже узнал.

– Странная способность – попадать в неприятные ситуации, – заметил он, подходя.

– Так уж вышло. Хотел упразднить счет, и вот тебе...

– Восьмой за двое суток. Кажется, обожрался тензола. Все банковские клерки жрут тензол. Статистика: из последних восьми пятеро – банковские служащие, один – бармен и еще двое – безработная шухера. Счет пока был семь – сорок три в их пользу. Сегодня, кажется, он прикончил еще троих, так что теперь восемь – сорок шесть. Писать будете?

– Вряд ли, – махнул я рукой. – Сами говорите, что это уже не сенсация и даже не новость. Пусть ваши хроникеры пасутся, это не мой уровень. Если бы тут в толпе случился министр какой-нибудь или президент фирмы...

– Все бы вам президентов убивать, – буркнул Курицын. Это был желчный маленький человечек, обремененный, насколько я знал, большой семьей, очень талантливый профессионал. Меня он не любил, да и мне его любить было не за что, но работать с ним было одно удовольствие.

Мимо провели бритого с заломленными за спину руками. Рядом семеняла его девушка, по лицу ее была размазана косметика.

– Ненавижу эту страну, – продолжал ворчать Курицын. Я поймал себя на мысли, что только что слышал эти слова от клерка. – Старший, Вовка, вчера обрадовал: записался в наемники. Через три дня отправляют в Намибию. На хрена ему эта Намибия, скажите на милость? Денег захотелось? Так, чтобы с этими деньгами вернуться, еще выжить там надо!

– Он разве служил? – осведомился я. Насколько я знал, африканцы брали только резервистов.

– Какое там! После школы три года в университете на кибернетика учился, а как бросил, на подвиги потянуло! И главное, дери ему теперь уши или не дери, а назад не попрешь – контракт подписан, а выкупить у меня денег сроду не хватит... А черные гребут всех подряд, им пушечное мясо нужно...

Капитан выглядел удрученным и жалким, и я ему искренне сочувствовал, но помочь ничем не мог. Африканцы и впрямь разработали очень действенную систему: подписавший контракт мог его выкупить за сумму, равную трем годовым жалованьям, но вся штука состояла в том, что таких денег у контрактников просто не имелось.

Мы с капитаном вышли из здания банка и уткнулись в огромный рекламный плакат: молодец в камуфляжной форме, с гранатометом в руке, обнимает другой рукой хрупкую негритянку в набедренной повязке. Выше – надпись по-русски: «Вступайте в ряды Национальной Армии Мозамбика!» Такие плакаты – Мозамбик, Ангола, Намибия, Южно-Африканская Империя, Заир – висели по всей Новой Москве. Черт, непривычно – Южно-Африканская Империя... Все равно все зовут по-старому – ЮАР. И столицу Преторию никто не называет Мандела. Этим-то хорошо, они пока не воюют, только подкармливают соседей и стравливают помирившихся.

– И все почему? – продолжал капитан, – Сосед вернулся, тоже Вовка, на пять лет моего старше. После армии служил в Анголе, дослужился до сержанта, привез действительно личную сумму... Рассказывал, как воевал, про бордели в Луанде, и мой дурак завелся. Не про то слушал, как у них целую роту в джунглях вырезали и съели, а про то, какие у негритянок задницы и чего они делать умеют...

– Ладно, Игорь Иванович... – успокоил его я. – Возвращаются же люди,

– Легко вам говорить. А у меня жена второй день в истерике.

В приплюснутый диск «скорой помощи» внесли накрытые белым носилки с телом убитого клерка. Мигая огнями, «скорая» зависла метрах в трех над дорогой и понеслась по проспекту над вереницей машин.

– Что парню грозит? – спросил я, имея в виду бритоголового.

– Посмотрим, что на нем висит... Пистолет явно не зарегистрирован, но это по нынешним временам ерунда.

Если нет чего посерьезнее, штрафанем да отпустим. Свидетелем не желаете?

– Если парню поможет – желаю. – В случае чего найду. Удачи!

Мы попрощались, и я пошел по тротуару в сторону Ботанического сада. В кармане запищал зуммер.

– Привет!

Артем. Давненько не слышал я его голос, видно, совсем погряз в своих виртуальных заботах... А ведь совсем недавно история с НЕРвами была суперпопулярной. В узких кругах, разумеется.

– Привет, мученик. Как жизнь?

– Течет. Что нового?

– Ничего.

– Кого видел?

– Мартина имеешь в виду? Не видел сто лет. Может, уже капитана дали.

– Вряд ли. Он склочный.

– О делах служебных расспрашивать не буду, знаю, что секретно...

– Да уж для тебя вряд ли.

– Ладно, ладно...

– Ну, пока. Звони, если что...

И вот так все наши немногочисленные беседы. То ли он и впрямь загружен, то ли не хочет общаться, то ли просто не о чем нам говорить...

Признаюсь честно, мне очень надоело в Москве.

Надоело за день.

Надоело, как только я сошел с трапа стратоплана в Шереметьеве-3.

На глаза опять попался плакат, на сей раз камерунский – своего рода экзотика, они только-только начали с кем-то там воевать – и меня как громом поразило. А не поехать ли мне в Мозамбик? Военный корреспондент из меня вроде неплохой, писал как-то репортажи о венесуэло-колумбийском конфликте... Вот только кто бы меня отправил? В первой же редакции, куда меня занесли ноги, мне повезло. Редактор «Красной звезды», жуткого реликта эпохи

расцвета Вооруженных сил России, тогда еще СССР, меня знал понаслышке и очень обрадовался. Звали его, кажется, Анатолий Степанович, а может, и не так – он представился скороговоркой и усадил меня в кресло.

– Корреспондент в Мозамбике нам нужен, – сказал он. – Должен вам сообщить, что последнего убили полмесяца назад и замену найти не так-то просто. Оплата хорошая, тем более мы параллельно работаем с «Солдатом удачи», так что будете двойной агент, хе-хе... Не передумали?

– Не передумал, – буркнул я.

Что я буду делать в этой дыре? Подставлять задницу под пули? Национальные парки Горонгоза и Маррумеу давно превратились в истоптанные сапогами и разъезженные гусеницами плацдармы. Памятник Чиссано в Мапуту если и уцелел, явно хранится где-нибудь в подвале...

– Точно не передумали? – продолжал пытаться редактор.

– Да нет.

– Тогда вам выпишут сейчас редакционное удостоверение, дадут аванс и – вперед. На любом транспорте с новобранцами, хотите – завтра, хотите – послезавтра.

– Лучше завтра, чем послезавтра, – сказал я. – Знаете, воевать лучше там, где уже идет война... Похоже, он меня так и не понял.

Часть первая САФАРИ

*... И в каждой музыке – Бах,
И в каждом из нас – бог.*

Иосиф Бродский

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ ПУТИН

Экс-президент Российской Федерации

Путин выключил огромный экран стерео – тот бесшумно собрал изображение в яркую точку и погас. Бывший президент в очередной раз смотрел хронику, смотрел, как он, молодой, быстрый, уверенный, встречается с премьер-министром Великобритании.

Я стар.

Я суперстар.

Как в реликтовом анекдоте про Брежнева. Бог мой, кто сейчас помнит, кто такой Брежнев? Это уже что-то из области знаний об Александре Македонском, например, хотя и Македонского никто сейчас не знает...

– Владимир Владимирович, журналисты, – сказал селектор после вкрадчивого звяканья.

Вот еще напасть... Корреспондентов Путин не слишком любил в основном потому, что они спрашивали его о вещах малопонятных и скучных, на его взгляд: кибертехнологиях, спутниковых системах слежения, новых разработках КОРов и НЕКов... Всей этой ерундой Владимир Владимирович не пользовался и пользоваться не собирался, хотя конечно же ходили слухи, что он давно уже напичкан хитроумными приспособлениями, потому и держится молодцом.

Это было правдой.

Нет, не приспособления, а то, что экс-президент держался молодцом. В его годы – а на планете людей подобного возраста имелось не столь и много – Путин плавал, бегал, катался на лыжах и регулярно появлялся на людях, не пропуская ни одного события, которое считал значительным. Он, правда, не любил улетать из Новой Москвы, что журналисты тут же обозвали стратофобией. Какая, к черту, фобия... Просто лень и все, но им-то не скажешь...

– Владимир Владимирович, – с легкой укоризной напомнил селектор. Задумался. Черт...

– Пусть войдут. Принесите что-нибудь прохладительное, – распорядился Путин.

На сей раз он сделал исключение, потому что журналисты были из «Асахи» и «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт» – изданий, которые Владимир Владимирович ценил и регулярно читал. К тому же они клятвенно обещали не спрашивать ничего о кибернетике.

Тяжелая дверь из натурального дуба отворилась, и в кабинет вошли двое журналистов в сопровождении секретаря. Оба оказались японцами в одинаковых белых костюмах, в одинаковых очках.

«Только японцы и носят сейчас очки», – подумал Владимир Владимирович, жестом приглашая сесть. Японцы коротко поклонились, синхронно вынули микродиктофоны и положили на стол. Секретарь поставил поднос с разноцветными баллончиками и удалился.

– Кэйдзо Мураяма, «Асахи», – представился первый японец.

– Масаси Нода, «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт», – представился второй.
– Очень приятно, – кивнул Путин. – Как вам удобнее вести беседу?
– Если вы не возражаете, мы будем задавать вопросы по очереди, – мягко предложил первый. Он говорил по-русски очень хорошо, даже без свойственного японцам «эр» вместо «эл».

– Как вам угодно.

Японец наклонил голову, давая понять коллеге, что теперь его очередь.

– Для начала позвольте передать вам привет и наилучшие пожелания от господина Идзумо, председателя Кунасири томино кай, общества изучения Камчатки, – церемонно сказал представитель «Асахи».

Владимир Владимирович понятия не имел, кто такой господин Идзумо и что их связывает или связывало в прошлом, но сердечно поблагодарил.

– Мой первый вопрос таков: что вы, господин Путин, думаете об африканской войне? – Мураяма сделал едва заметное движение рукой, включив диктофон.

– Предвижу ваш второй вопрос, проистекающий из первого: как я расцениваю участие в конфликтах десятков тысяч российских наемников, – улыбнулся Владимир Владимирович.

Мураяма развел руками: угадали, мол.

– Так вот, я не могу сказать, что мне это нравится. Я неоднократно выступал в наших средствах массовой информации, и вы знаете мою позицию. Однако я не в силах влиять на решения нашего правительства и тем более на желания граждан зарабатывать на жизнь таким образом. К тому же в качестве наемников в Африке воюют не только русские, но и итальянцы, американцы, немцы, поляки, армяне, казахи, испанцы, датчане...

– Но японцы, к примеру, не воюют, – тишайше вставил Нода.

– Согласен с вами. – Владимир Владимирович улыбнулся своими тонкими губами. – Не воюют. Только поставляют оружие и технологии... Но вернемся к наемникам из России. Я полагаю, сегодняшняя политическая и экономическая ситуация в стране толкает определенную часть молодых людей на поиски приключений и дополнительных заработков. Африканские вербовщики работают на очень высоком уровне, достаточно посмотреть рекламные ролики... А какие-либо запреты попросту невозможны. Ситуация, конечно, малоприятная, но ничего сделать нельзя.

– Как вы думаете, правдивы ли слухи об участии в войне так называемых искусственных интеллектов? – осведомился Нода.

– Вопрос из области кибернетики, – шутливо погрозил пальцем Путин. – Пока это только слухи, я никак не могу комментировать. Скажу только, что не хотелось бы в это верить. Иначе мы придем... Страшно даже подумать, к чему мы придем.

Мураяма:

– Владимир Владимирович, вас называют «главным консультантом российских спецслужб». Это соответствует действительности?

– Без лишней скромности скажу, что обладаю большим опытом. И в том, что ко мне иногда обращаются за консультациями наши спецслужбы, ничего необычного не вижу.

– Вы можете привести пример?

– Не могу. – Владимир Владимирович снова улыбнулся. Японцы помолчали, потом Нода спросил:

– Как вы расцениваете последние шаги кабинета министров России?

– Никак, – все так же улыбаясь, сказал Владимир Владимирович. – Это трудно назвать шагами. Это топтание на месте. Я давно уже перестал давать оценки деяниям российского руководства. Обидно, что все построенное нами так быстро разрушили.

– Многие склонны называть это не разрушением, а перестройкой.

– Был такой термин в конце прошлого века. – Теперь Путин не улыбался. – По счастью, он сейчас забылся. Еще лет тридцать назад он считался едва ли не ругательным.

Снова Нода:

– Что вы делаете на посту президента вашего фонда?

– Помогаю ветеранам войн. Для этого, собственно, и был создан фонд.

– Почему вы отказываетесь участвовать в молодежных программах?

– В каких? Виртуальное обучение? Так называемая «Имплантация библиотек»? Или «Новый олимпийский резерв»? Извините, но я не люблю, когда из людей, а тем более из детей, делают роботов.

– Киборгов, – уклончиво поправил Нода.

– Роботов, – жестко повторил Владимир Владимирович. – Я не собираюсь выделять на это средства. Пусть министерство образования подкупают кибернетические корпорации. Я же вижу перед собой и фондом другие цели.

– Следовательно, вас правильно называют консерватором?

– Называйте меня как угодно. В моем возрасте, поверьте, это не так уж важно.

– Во время попытки военного переворота в России вы поддерживали «чистых»? – Мура-яма прищурил и без того узкие глаза за стеклами очков.

– Я никого не поддерживал. Я сидел вот здесь, на этом диване, и пил чай. С тортом. Замечательный шоколадный торт. Если честно, мне было все равно, потому что я не верил ни тем ни другим. Кстати, в мое окно стреляли из снайперской винтовки, судя по всему, из соседнего дома. У меня специальные стекла – японские, между прочим, – так что я не пострадал, но сам факт радует: с моим существованием все еще считаются.

– Вы так думаете? – В голосе Ноды смешались сомнение и интерес.

– Я в этом уверен.

ИЗ СЛУЖЕБНОЙ ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИССИИ ПО
НАДЗОРУ, МАЙОРА СЛУЖБЫ ТЬЮРИНГА МОРИХЕЯ МУСАСИ
НАПРАВЛЕНИЕ – ГОЛОВНАЯ ШТАБ-КВАРТИРА СЛУЖБЫ
ТЬЮРИНГА. ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМАМИ КОСМИЧЕСКОЙ
ОБОРОНЫ (ЦУКО).

Сегодня, 19 октября 2082 года, в орбитальной системе антиастероидной защиты (ОСААз) зафиксирован десятиминутный сбой, во время которого системы управления спутниками были полностью неуправляемы (зачеркнуто) неподконтрольны персоналу.

В ходе оперативных действий было выяснено, что неполадки связаны с контурами управляющего ИскИна.

Тестирование не выявило аномалий. Сам ИскИн не может дать точных ответов на вопросы, связанные с происшествием (зачеркнуто) инцидентом. В структуре его памяти обнаружена десятиминутная лакуна, соответствующая по параметрам времени сбоя.

Возможная причина неполадок – работы, проводимые бригадой электриков.

Прошу разрешения на служебное расследование в секторе А-97, раздел: персонал.

Последствий по классу «специал» не обнаружено. Прошу обязательного анализа «специал омега».

1. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Специальный военный корреспондент. 37 лет

Спецборт с новобранцами отправлялся с военного аэродрома под Можайском. Это был длинный реактивный Ил-944 с отвислым брюхом, похожий на беременную барракуду. Нас – меня и корреспондента «Рейтер» по имени Бертран Войт – подвезли к самолету на армейском микроавтобусе вместе с двумя мозамбикскими майорами. На груди у одного, который выглядел почернее коллеги, висел сложный многолучевой орден с профилем маршала Ауи. Как он называется? «Великий Слон, Попирающий Врагов»?

Майоры с нами не разговаривали, что-то бормотали вполголоса на своем наречии, даже не по-португальски. Водитель, напротив, болтал без умолку. Парень был откуда-то из Норильска и рассказывал о том, как у них террористы взорвали никелевый комбинат.

– Как бухнуло, три первых ряда домов как корова слизнула, – с восторгом говорил он, крутя руль. – Полторы тысячи убитых! Работать негде, вот я в армию и подался. Только в Африку меня не заманишь, я и тут послужу пока...

– А почему не захотели в Африку? – живо поинтересовался Войт.

– Обезьян боюсь, – захохотал водитель.

Майоры, явно понимавшие по-русски, недовольно покосились.

На бетоне вокруг самолета сидели, стояли и даже лежали новобранцы. Одинаково наголо подстриженные, в унифицированных серо-зеленых комбинезонах, которые потом сменят на мозамбикскую или ботсванскую военную форму. На груди у каждого значился номер.

Я шел мимо, неся свой рюкзак и поглядывая без особого интереса на этих недоумков. Стоп. А этот что здесь делает?

На меня смотрел исподлобья давешний банковский стрелок, бритоголовый парень, убивший свихнувшегося клерка. Теперь – номер 703.

– Привет, семьсот три, – сказал я дружелюбно.

– Здравейте, видали...

– Не узнал? Вчера в банке познакомились, при весьма пикантных обстоятельствах.

– Я с вами не знакомился.

– Да ладно тебе. – Я положил сумку на бетон и протянул руку. – Константин.

– Федор, – сказал он. Руку пожал, но вяло, тут же выпустив.

– Чего ж тебя в Мозамбик понесло, Федор?

– Твой друг капитан постарался. Привели, стали крутить по полной программе. Пистолет зарегистрирован был, да они глубже копнули.

– И вышли на Антона, – заключил я. – Так?

– Так, – кивнул он.

Все ясно. Как там было у Тройки: «Дрын из забора еще не вытащили»? А Федор, похоже, не обычный пехотинец, фигура не из последнего десятка.

– Пошел ва-банк? Отпустили по звонку адвоката, а ты в ближайший призывной участок?

– Угадал, – Он поглядывал злобно, но злость эта относилась не ко мне. Вернее, не совсем ко мне.

– Ладно, вопрос разгрузим. На три года?

– На пять. Они там тоже не дураки, понимают, что мне надо удирать...

– Значит, так. Я – военный журналист. Мне нужен... э-э... ординарец. Или денщик, или телохранитель, называй как хочешь. Тебя я видел в деле, так что показывай, кто тут самый главный начальник, будем разговаривать.

– Тут не получится, – сказал он с надеждой в голосе, – Эти майоры – только сопровождающие. В Мапуту, когда прилетим.

– Хорошо. Тогда не теряйся, я тебя в Мапуту выловлю.

К Антону я относился хорошо. Положительно относился. После всей этой истории с НЕР-вами ясно стало, что друзей надо беречь, какие бы они ни были. Шеп, Антон... Артем, Мартин. Список не длинный. Хотя Антон в нем стоит особняком, потому что он представляется мне не другом как таковым, а просто некой дружественной силой. И мощной силой. А сейчас я могу этой силе помочь, тем более парень и впрямь не промах, а я еду на войну.

Нас посадили в первый отсек, сразу за кабиной пилотов. Это было что-то вроде салона люкс – с удобными мягкими креслами, откидными столиками. Остальные разместились в грузовом отсеке на длинных скамьях. В середину загнали пять новеньких танков и укрепили тросами в специальных гнездах. Ил начал бесшумно разворачиваться и вырулил на взлетную полосу. Через минуту мы уже летели.

По моим подсчетам, в самолете находилось около девятист новобранцев. На них приходилось несколько сержантов и два майора, которые уже мирно дремали в креслах. Войт читал маленькую потрепанную книжицу, а я задремал, наслаждаясь вынужденным покоем.

Проспал я три с лишним часа и проснулся над Ливией. Внизу проползал сияющий огнями Триполи. Майоры спали, а Войт тревожно смотрел в иллюминатор.

– Нас не собьют? – спросил он, увидев, что я уже бодрствую.

– Вроде не должны. Существует соглашение о транспортных самолетах из Европы... Впрочем, ливийцы ни с кем не воюют.

– При их нефти и уровне жизни еще и воевать...

– Не волнуйтесь, и до них доберутся, – заверил я. Покопавшись в выданном мне пакетике с сухим пайком, я обнаружил там обезвоженную ветчину и какие-то крекеры, а также сырный крем в тубике. Из питья полагался баллончик пепси.

– Выпить не захватили? – справился я у Войта. Тот с сожалением покачан головой.

– Зря. И я забыл. Может, наши спутники озаботились? Я осторожно толкнул майора, того, что с орденом. Он тут же открыл глаза.

– У вас не найдется выпивки? – спросил я по-английски.

Майор осклабился и извлек из кармана куртки плоскую алюминиевую флягу, отвинтил колпачок, протянул мне.

Я осторожно понюхал.

– Русская водка, – одобрительно сказал майор.

Я отхлебнул – и впрямь она.

После прохождения фляжки по кругу (второй майор тоже проснулся) мы познакомились. Того, что с орденом, звали Боффин, другого – Нкелеле.

– Как дела на фронте? – осведомился я.

– Нормально, – сказал Нкелеле. – Позиционная война. Уже три месяца ничего серьезного.

– Отвоюю до конца года, плюну на все и перееду в Экваториальную Африку, – размечтался Боффин. – Выслуга позволяет, в отставке буду приличные деньги получать... Займусь разведением птицы, жена давно мечтает.

– А где ваша жена сейчас? – спросил Войт.

– В Сомали, там спокойно. Работает в местном отделении авиалиний «Зулу». Я ее навещаю каждый раз, когда лечу в Европу, вот только в этот раз не успел. – Боффин с сожалением вздохнул.

Я отхлебнул водки, захрустел крекером с сырным кремом и поинтересовался:

– Я вот тут хочу себе ординарца завести... Можно кого-нибудь из ваших? Приглянулся мне один.

– Нет проблем, – сказал Нкелеле. – Заплатите в аэропорту приемщику – не думаю, что он запросит много, – и солдат ваш. Только оформите потом бумаги в комендатуре, чтобы его патрули не задерживали. Уедете – от вас его открепят и отправят на фронт.

– Спасибо, – улыбнулся я, подивившись, как все оказалось легко.

На военной части аэродрома в Мапуту я нашел приемщика, толстенького коричневого капитана с планкой «Очаму» на груди.

– Господин капитан, я – военный корреспондент, мне нужен помощник и телохранитель, – без обиняков начал я.

Лоснящийся от пота капитан обмахнулся мятым блокнотом и спросил:

– Из сегодняшних?

– Да, я с ними летел. Номер 703.

– Не повезло. Столько и заплатите.

Это был, видимо, нехитрый способ развлечения капитана. Притом весьма относительно, то есть если бы я взял номер первый, разумеется, одним рандом или иеной не отделался бы... Я без лишних слов отсчитал ему требуемую сумму наличными. Капитан сунул деньги в карман формы, подозван долговязого сержанта и велел привести семьсот третьего из Москвы.

Федор притащил свой вещмешок.

– Форму получите в комендатуре, когда оформите документы, – сказал капитан. – Оружие нужно?

– Не помешало бы.

– Там попросите и оружие. Может быть, придется немного заплатить. Военным корреспондентам ношение оружия не положено, хотя и не запрещено. Вы же как бы нейтральные...

В комендатуре нас приветствовал подполковник, вид которого умилил меня донельзя. Это был представитель некоего малорослого племени, жутко толстый (по сравнению с ним капитан с аэродрома выглядел балериной), облаченный в парадную форму. Все аксельбанты и эполеты горели под солнцем, и сидящий на балконе подполковник напоминал рождественскую елку, виденную мною в Ставангере три года назад.

Завидев нас, он оживился и отставил в сторону большую пластиковую бутылку с пивом. Бутылка была запотевшей, в охладителе среди глыбок льда плавали еще несколько таких же. У меня мгновенно пересохло во рту, Федор тоже облизал потрескавшиеся губы.

– Русский журналист? – восторженно спросил подполковник, протягивая руку. Она неожиданно оказалась сухой и прохладной. – Пива?

Я бы не отказался, но он кивнул на откупоренную бутылку. Поскольку стаканов вокруг не наблюдалось, а толстые губы подполковника блестели от слюны, я отказался. Федор поступил проще: взял бутылку, демонстративно вытер горлышко о рукав формы и выдул оставшуюся в посудине треть.

По счастью, подполковник – табличка на груди именовала его как Нгоно – этого не видел. Он резво заполнял какие-то бланки, задавая мне самые неожиданные вопросы, типа «Пользуетесь ли противозачаточными таблетками?» Наконец он выжидающе посмотрел на меня, я вручил ему банкноту, а он мне – маленькое удостоверение для меня и карточку для Федора.

– Нам бы еще оружие, – сказал я робко. – Ваш ординарец может получить прямо сейчас в оружейной комнате. А вы... – Подполковник замялся, хитро глядя на меня одним глазом. По его правому аксельбанту полз жирный красный жук в черную точку.

– Сколько?

– Смотря за что, – пожал плечами Нгоно.

– Пистолет. Но хороший.

– Сушая мелочь.

Через пять минут мы покинули комендатуру, отяжеленные мощным индийским пистолетом «Джаггернаут» (я) и тяжелой автоматической винтовкой М-03 (Федор). Он также

ташил выданные боеприпасы и сухой паек, который, оказывается, тоже нам полагался. Вообще встречали нас пока что очень радушно, а мелкие поборы я отнес к области африканских традиций.

Нгоно посоветовал нам поселиться в «Танганьике», в самом центре Мапуту. Идти было недалеко, хотя в принципе можно было подкатить и на такси. Откуда-то из-за угла вывернулся Войт с ошалевшими глазами.

– А вот теряться нехорошо, – наставительно сказал ему я.

Он обрадовался и подбежал к нам.

– А я ищу комендатуру...

– Потом найдете. Мы, кстати, оттуда. Пойдемте устроимся в гостиницу, нас вряд ли сразу бросят на фронт.

– Я вообще не очень-то стремлюсь на фронт, – ответил Войт, с уважением косясь на мой пистолет.

Город жил своей военно-гражданской жизнью.

Мимо прополз испытанный военный труженик Т-72, за ним на проволочном тросе волочило по дороге изодранное черное тело. Сквозь пыльно-кровавую корку белели ребра.

Это мог быть кто угодно: дезертир, мародер, обчищавший карманы павших соратников, командир или боец одного из вражеских соединений, крестьянин, отказавшийся подарить военным последнюю козу... Я не взялся бы даже определить, мужчина это или женщина.

Войт сделал глотательное движение и икнул.

– Тошнит? – спросил я. – Бывает. Не смотрите на такие вещи, вы их здесь увидите очень много.

– Я был на фронте в Индонезии, – возмущенно сказал он. – Видел и не такое... Это, по моему, чертовы сандвичи.

– Кстати, с едой тут поаккуратнее. Прививки и таблетки – это хорошо, но в Африке водится много такого, от чего наши примочки не помогают или помогают ограниченно. К тому же после применения боевых мутагенов появилась чертова куча неизученных штаммов. Схватите синюю амёбу, например, и превратитесь в аквариум для маленьких слизистых тварей, которые вас постепенно сожрут изнутри. К антибиотикам нечувствительны.

Войт перекрестился.

– А вот и «Танганьика», – заметил я.

Здание выглядело вполне пристойно и даже современно. О войне напоминали сонные чернокожие пехотинцы, дремлющие на солнышке под стеной, и зенитная установка, стволы которой недвусмысленно были направлены в небо. На одном висела гроздь бананов.

В вестибюле оказалось прохладно. Белый портье, говоривший с французским акцентом, вписал нас в книгу постояльцев и выдал ключи, служитель – тоже белый, но с испанским акцентом – проводил нас на четвертый этаж. Номер был четырехместный (других не нашлось), чистенький и цивилизованный. Войт поспешил включить кондиционер, а я подошел к окну.

С такой высоты было видно не так уж много. Крыши ближних домов, наблюдатели с биноклями на соседней, несколько зениток, вертолет, парящий поодаль. На крыше напротив сидел, свесив ноги, негр с длинными волосами и курил. Сквозь отражающее солнце стекло он меня конечно же не видел. Чуть поодаль, подстелив нечто махрово-розовое, две обалденные негритянки из сил ПВО, совершенно голые, очень эстетично облизывали друг друга, пользуясь вместо фаллоимитаторов крупными кормовыми бананами. – Мать твою! Мы в Африке! – воскликнул изумленный Федор у меня за спиной.

2. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

В Москве, помнится, один нахальный тип, перед тем как мои парни разобрали его на запчасти, заявил мне, чтобы я катился в свою Африку и залез там на пальму.

Парень, наверное, был колдун. Иначе ну никак не объяснить тот факт, что я нахожусь в этой самой Африке, родине предков, мать ее, да еще сижу на чем-то типа баобаба... Точнее определить сложно, после того как бомбардировщики с баллонами мутагена были сбиты где-то над этой территорией, ни одной оригинальной культуры тут не осталось. Бомбардировщики сгорели в этом белом небе уже давно, еще в последнюю мировую, а мутагены до сих пор сидят в почве... Моя солдатня жрет компенсаторы пачками. Поначалу носы воротили, дурачье тупоумное, а потом как увидели, что эта дрянь с местными племенами сделала, так недельный запас мигом умяли. Интересная штука – боевые мутагены. Ноги бы повидерживал тому, кто их придумал...

– Что там, мой генерал?

Это мой денщик, Абе Нкуора. Эбеново-черный верзила из моих. Единственный надежный человек во всей этой обезьяньей компании. Досадно, что ему нельзя доверить рекогносцировку местности, командирские КОРы только у меня. Были еще у разведгруппы, но группу мы потеряли неделю назад. В момент выхода из окружения.

– Ничего, Абе... – ответил я и начал спускаться, Под ногами затрещали ветки.

– Осторожней, мой генерал...

Я спрыгнул на землю. Снял очки-координаторы.

– Ничего. До горизонта чисто. Что, собственно говоря, ничего не значит, как ты сам понимаешь.

– Я так понимаю, что мы в серьезном положении, мой генерал. Со спутниками связи нет? «Хороший ты парень...»

Я ничего не ответил. Ну что я ему скажу?.. Что мы, вырвавшись из окружения, находимся черт-те где? И шансов на спасение у нас, как у слепой мухи под мухобойкой... Потеряв разведгруппу, мы фактически подписали себе смертный приговор. Единственный канал связи, которому можно доверять, это прямой нейроканал спутниковой связи, вмонтированный в разведчика. Все остальное на девяносто процентов дезинформация. Даже старые добрые пластиковые карты местности. Доверять нельзя ничему.

В Виртуальности сейчас идет схватка, по жесткости не уступающая реальной. Все эти чертовы компьютерные гении висят в созданном их же воображением мире, стараясь переподключить вражеские каналы и попутно выжигая друг другу мозги. Никогда бы не подумал, что через Виртуальность можно убивать... Оказывается, все мои представления об этом деле устарели.

Послышалось негромкое покашливание.

Денщик выжидающе смотрел на меня.

Чего-то ждет... Ах да.

– Позови сержанта.

Абе тут же сорвался с места и побежал в сторону причудливо разросшихся кустов, в тени которых валялось все мое белое мясо, которое гордо именовалось взводом «Бешеный Носорог».

Носороги хреновы... Этот сброд даже в кабаны бы не приняли. Хряки! Как они уцелели?.. Трусы.

С досады я плюнул на песок.
Плевков шлепнулся на нос ботинка.
«Твою же мать!!!»

Кровь мигом прилила к лицу... Ох что я сейчас сделаю с этим мерзавцем! Вон он бежит. Увязая в песке – кретин, ходить так и не научился, – ко мне бежит сержант. Бежит – это очень громко сказано, топчется вразвалочку.

Ну и ладно.

Хорошо хоть до открытого неповиновения еще не дошло. Эта бледнорожая сволочь явно метит занять мое место. И только тот факт, что без меня они издохнут гораздо быстрее, чем со мной, удерживает это быдло от бунта.

– Сержант! Бегом! – Что-то в глотке пересохло...
– Есть. – Сержант, загребая ногами песок, изображает усердие.
– Быстрее!
– Есть!

«Все-таки добежал. Вот вклеить бы тебе пулю в яйца! Чтобы сбить эту нагленькую улыбочку с твоей морды, паскуда. А потом по зубам, по зубам...» От одной только мысли об экзекуции у меня начинает теплеть на душе, и, чтобы сержант не увидел обуревающих меня чувств, я поворачиваюсь к нему спиной.

– Итак, доложите мне обстановку в отряде. – Я постарался придать своему голосу максимум жесткости.

– Карлито сожрал какого-то паука, теперь его тошнит, – ничуть не смутившись, начал сержант. – Лесовский стер ноги, а у рядового Чиконе не прекращается понос. Лекарства не действуют, мне кажется, еще один день в таком ритме, и ему крышка. Из него скоро внутренности повалятся. У Ламбразони отобрал пистолет. Попытка суицида. У двоих, кажется, лихорадка, точнее определить не могу. Мед комплекс обслуживает Чиконе, а он сейчас не может даже сидеть. И лежать, впрочем, тоже.

Итальяшки. С первого же дня с ними были какие-то проблемы. Сначала они передрались между собой. Оказалось, что эти недоноски являются членами соперничающих мафиозных кланов. Вероятно, крестные отцы в далекой Италии, раздираемой гражданской войной, вздохнули с облегчением, когда отослали этот позор подальше от родных берегов. Потом эти макаронники учинили настоящее побоище в туземной деревне... И не постарайся я и Абе, мы бы не дошли до пункта назначения, прибитые гвоздями к тотемному столбу. Чертова Африка!

Вспомнив о «пункте назначения», я зажмурился и скрипнул зубами. Более половины отряда. За пять минут боя. Бегство. Окружение... Лучше и не вспоминать.

Плюс проваленное задание. Ракетный расчет Мозамбика как стоял, прикрытый электронным колпаком, так и стоит. А террор-группа «Бешеный Носорог» мается поносом... Маршал Нкелеле меня на органы разберет за такую работу.

Конечно, если я вообще доберусь.

– Что еще?
– Еще...

Я понял, что он сейчас скажет, и напрягся.

– Еще люди устали...

Классическая формула для начала переворота.

– Что?

После непродолжительной паузы он повторил более твердо:

– Люди устали.

Я повернулся к нему лицом:

– Сержант! Здесь я буду решать, когда люди устали, а когда нет. Я понятно выражаюсь?

Позади сержанта замаячил Абе. Черный, верный до мозга костей. Независимый черный. Таких бы десяток, и сейчас над мозамбикским ракетным расчетом уже остывала бы зола.

Но времена изменились...

– Люди устали. – На лице сержанта кислое выражение, из нагрудного кармана торчит зубочистка. Он мне физически противен. – Более того, многие считают, что все происшедшее – это ошибка руководства. Ваша ошибка, генерал.

Плохо дело. Эта сволочь знает что-то, чего не знаю я. Ну и черт с ним...

– Вернитесь в строй, сержант, – Я сломлен, я подавлен...

Он поворачивается. Уходит.

Никакого козыряния ручкой к сердцу. Никакого «Есть, мой генерал!» Он считает, что победил, и поэтому имеет право поворачиваться к черному спиной. К Независимому черному, прошу заметить.

Солнце отражается от его бритого затылка. Дурацкая мода, патлы по краям и бритый затылок...

Я киваю Абе, и он, как на учениях, коротко бьет сержанта прикладом автомата в этот солнечный блик.

Сержант Дюбуа бесшумно валится как подкошенный. Прямо наглой мордой в песок.

– Гейнц, Дитрих!

Из кустов выбегают два немца.

– Унесите. У сержанта солнечный удар. Суток на трое им этого хватит. Дойти бы до базы...

3. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Специальный военный корреспондент

Куда идет военный корреспондент, когда прибывает к месту военных действий?

В пресс-центр.

Правильно. Но это нормальный корреспондент. Таковым у нас почитался Войт, какого я и послал в пресс-центр, вручив все наши бумажки. А мы с Федором двинулись на поиск приключений и развлечений. Мне хотелось пуститься в настоящую фронтовую авантюру, особенно после рафинированного сервиса на острове Реюньон, до которого отсюда рукой подать.

Портье сменился – теперь это был пожилой негр, который с радостью спрятал в карман кредитку и посоветовал идти в «Обезьяну».

– Там можно есть и пить без опаски, – пояснил он свой выбор, и мы согласились, что это резонный довод.

«Обезьяна» помещалась в трех кварталах от гостиницы, мы двинулись туда пешком. Нас никто не останавливал, хотя патрули попадались. По-моему, патрульные во главе с сержантами были хорошо выпивши, но, может, у них просто морды оказались такие...

Если в столице и соблюдалась светомаскировка, то не в «Обезьяне». Вход был ярко освещен. Стояло несколько армейских вездеходов, маленький разведывательный танк «Шива» индийского производства и с десяток легковушек – преимущественно модели десятилетней давности. Слева от стеклянных дверей спали двое нищих в набедренных повязках, справа сидела жирная проститутка с татуированной грудью.

– Дают жизни... – пробормотал Федор, когда мы открыли дверь и мимо нас просвистел вышвырнутый из зала мозамбикский лейтенант.

Вышибала – кстати, вполне белый – радостно осклабился нам навстречу и указал на столик возле бамбуковой колонны.

Африканская экзотика в клубе удачно сочеталась с достижениями цивилизации. Бамбуковые колонны, украшенные плетеными циновками и головными уборами из перьев, – и матово-черные небьющиеся столики. Чучела попугаев и зебр – и сияющая металлом стойка бара. Копченые головы туземцев на полках – и огромный экран, демонстрирующий порно категории «Е» с квадразвуком...

Основная масса посетителей, как и мы, носила военную форму. Три четверти были черные. Особняком держалось несколько китайцев, очевидно, военные советники.

Появилась официантка, миловидная негритянка лет тридцати в белоснежном фартучке и кружевной наколке на курчавых волосах. Излишне добавлять, что больше на ней ничего не было.

– Пиво, – сказал я. – Два. Для начала.

– Если господин хочет то, чего нет в меню... – начала официантка, переводя разговор на привычные наркотики и релаксанты.

Я отрицательно помахал рукой. Пожав плечами, она удалилась.

– С бабами здесь хорошо, – прокомментировал Федор, озираясь.

– И с болезнями тоже. Так что если ты нашел свой хрен на свалке, можешь приступить.

– Что, так плохо? – Он, кажется, расстроился всерьез, и я поспешил его утешить:

– Не совсем. Подцепи кого-нибудь из армии, у них там санитария, профилактика... Хотя бы наших соседок-лесбиянок из противовоздушной обороны.

– Кстати, – отвлекся Федор, – как-то у них тут все по-детски. Кругом зенитки – и свет горит, как на карнавале. Война – и патрули пьяные, никого не трогают...

– Поэтому я сюда и приехал, уважаемый. Из врожденного любопытства.

– Нет, а все-таки?

– Пей лучше пиво, – Я принял у официантки ледяные бокалы с «Левенбрау». – О парадоксах военного времени мы еще поговорим. Отслеживай ситуацию и мотай на ус. Пора вживаться, поэтому напиваться не стоит.

– Напьемся в номере, – согласился Федор.

Все-таки он хороший парень, как ни крути.

После третьего пива он стал еще более хорошим парнем. Сбегав к стойке и пропустив – с моего разрешения – одно виски, он развалился в кресле и стал напевать вполголоса:

Ой ты степь широкая,
Степь раздольная.
Широко ты, матушка...

Из глубин зала тут же возник очень пьяный сержант в форме Ботсваны и двое рядовых.
– Зема! – заорал сержант, – Откуда? Оказалось, что троица приехала воевать из Брянска, и уже два месяца как дерется с заирскими частями в 21-м корпусе. Было их четверо, но одного поймали заирские командос и вроде как съели

– Ты умный парень, – заявил Федору сержант по имени Толик, хлопая того по плечу. – Ходи вот с журналистом, баб за жопы цапай, а на фронт не просись! Страшно на фронте.

– К... к-кишки... – пробормотал рядовой с остекленевшими глазами, которого сослуживцы представили как Васю.

– Чего это он? – спросил Федор.

– Да кишки и есть, – сказал Толик. – В соседнем окопе снаряд рванул, там восемь человек сидело, и всех на Васюку побросало. Так он на жаре в кишках полтора суток и валялся, пока наши не подошли... С тех пор и вспоминает периодически... Чего там в России?

– Все так же херово, – отозвался я.

– Ну, – удовлетворенно кивнул Толик. – А мне matka говорила: куда лезешь, дурак, оставайся тут, на заводе работать будешь! У нас там завод машиностроительный, мы для Саудовской Аравии сеялки собирали.

– А на хера им сеялки? – недоуменно спросил Федор.

– Сеять чего-нибудь... Так я ее послал, matka. Говорю, лучше в Африке сдохну, чем тут среди сеялок сраных. Журналист, как насчет водки?

– Я не буду, но вас угощу с удовольствием. – Я заказал им коктейли «Синяя бригада», водка с приятной добавкой. Пусть ребята отдохнут как следует перед возвращением на передовую.

Толик тем временем принялся рассказывать об ужасах, которые творят с пленными противники.

– Обидно ведь: на той стороне наших не меньше, – молотил он кулаком по столу. – Из Питера, из Архангельска, из Перми... Другой раз новостями делимся, когда затишье или там перемирие. А потом начинается... Прошлую субботу поймали одного, с сержантскими нашивками... Из Ярославля оказался. Три медали, орден, командовал, сука, спецотделением. Наших, стало быть, резал. Мы его отдали нашим черненьким, у нас пигмеев целый батальон, умные, гады, хотя и корявые... Всю ночь так орал, что думали, вот-вот сдохнет, а утром Карлик Нос выходит – это капитан ихний, я спрашиваю: «Ну, что, Носяра, сдох язык?» – «Да ну, – говорит, – мы ж только начали». Я тут, кстати, письмо у него взял, у языка-то, матери обещал передать... Слушай, мы с утра на передовую, может, отнесешь в консульство или куда там положено?

С этими словами он извлек мятый и драный конверт. Я молча сунул его в карман куртки.

Вспомнил я об этом конверте, когда вернулся в гостиницу. Получивший ударную дозу впечатлений Федор повозился с бутылками, намешал себе что-то и залег смотреть детективный сериал. Войт спал сном праведника, подвывая и постанывая.

А я включил светильник в изголовье и стал читать письмо, резонно рассудив, что погибший сержант на меня не будет в обиде.

Написано черным стержнем на листе мятого тонкого пластика.

«Дорогая мамочка!

Это снова я. Не знаю, получила ли ты прошлое мое письмо. Мы третью неделю в джунглях, вертолеты летают нерегулярно, так что передал с нарочным, вестовым из штаба. Уж не знаю, что он с ним сделал. Может, и выбросил: черные – народ такой.

У меня все хорошо. Славка вернулся из госпиталя, его легко царапнуло. Говорит, что писал матери, просил и тебе привет передать. Передала тетя Клава или нет?

Как Игорек? Хорошо учиться? Тут парень в моем отделении из Питера, у него брата из школы выгнали за то, что во время урока какую-то секс-игру виртуальную врубил вместо обучающей программы. Теперь денег не хватает, чтобы штраф уплатить и вернуть его учиться. Скажи Игорьку, чтоб не баловался. Я ему и сам напишу, только время выдастся.

Погода здесь хорошая для Африки. Не слишком жарко, дождей нет. Нам регулярно делают прививки, потому что возбудители болезней мутируют. Врач, что приезжал, был из Смоленска, поболтали с ним немного. У него контракт уже истекает, но он хочет продлить на три года. Хотя ему-то что: капитан, в госпитале в Киншасе работает.

Как твой силикоз? Ты лечись, если деньги кончатся или потребуются срочно, пиши, я переведу со своего счета. Вот, а ты говорила, зачем я сюда иду... Как бы мы тогда тебя лечили? Не на страховку же...

Все, сейчас у нас операция, пойдем чистить деревню от мозамбикцев. Там наших тоже много воюет, есть ничего ребята, а есть и сволочи. Хотя на войне все сволочи, особенно те, что с другой стороны.

Извини за грубые слова.

Не болел.
Целую, Твой Володя».
Война, война...
Я решительно смял письмо и сунул в мусоросжигатель, встроенный в тумбочку
Иногда письма не должны доходить.

4. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

– И было утро и был вечер. День первый. – Абе цитирует что-то незнакомое и ложится на песок. Скорее падает, чем ложится, он смертельно устал. Он не хочет есть, он даже не хочет пить. И умирать он не хочет тоже, но не потому, что боится, а потому, что сил нет даже на это. Он занял место поблизости от своего генерала, вероятно, безопасности ради, хотя смысла в этом нет. Все остальные вымотаны еще больше. Бунта можно не опасаться.

Чертова земля предков.

Отряд расположился рядом, в стгутившихся сумерках можно разглядеть, как светятся плохо экранированные термооболочки спальных мешков. Хреново это, но ладно. Не поднимать же всю эту шаругу по тревоге из-за такой мелочи... Всего-то делов, проскочит над нами спутник, идентифицирует и передаст координаты куда следует. И дальше уже от Великого Слона маршала Ауди будет зависеть, какое блюдо он возжелает состряпать. Захочет – бомбардировщиками накроет, захочет – группу уничтожения вышлет, захочет – вообще орбитальную военную платформу наймет. Жахнет лучом со средним радиусом поражения, и – баста, в саванне только выжженный кружок километров в десять. Чистота и порядок. Или окинет всю перспективу своим стратегическим мышлением и оставит нас в покое.

Пожалуй, наиболее предпочтительный для нас вариант развития событий – это луч с орбиты. Быстро и безболезненно.

Хуже, если мы на команду уничтожения напоремся. Хуже, но самолюбие потешу перед смертью. Если специалистов по нашу долю послали, значит, где-то мы в важной точке оказались. Доставили, так сказать, неприятность врагу. Честно послужили отечеству, чтоб его...

Случайно, конечно, но кто об этом знает?

И самый худший вариант развития событий – это полное безразличие к нам со стороны воюющих сторон. Своих и чужих.

Своих... Каких «своих»? Кто мне «свои»? Интересно...

Маршал Нкелеле мне свой? Или его первая шлюха? «Затмевающая Луну и Солнце Повелительница Ветра»?

Боги, даже передергивает при воспоминании об этой тупорылой француженке... На приеме я был удостоен сомнительной чести быть ее третьей ступенью в момент схождения царицы с трона. Повезло... Если бы не обострение на фронте, я не стал бы боевым генералом, а издох, достигнув высшей почести при дворе Нкелеле – Второй Ступени. Поскольку, согласно изумительным законам дворца, – удостоившиеся высочайшей чести быть первой и второй ступенью при схождении царицы с трона уничтожаются, дабы не познали они наслаждения выше в этом мире.

Причем сам Нкелеле мужик вполне нормальный... Если не считать кое-каких странностей.

Что-то зашебуршало в темноте. Я переключил КОРы на ночное видение.

Отлично!

Рядовой Чиконе, сгибаясь под непомерной тяжестью своего собственного взбунтовавшегося желудка, старается отойти подальше к кустам. Идиот.

– Стоять! – кричу я шепотом.

Он не слышит. Ползет, как заведенный, в сторону чахлого кустарника. Скрюченный кусок недоразумения. Я догнал его на полпути к заветным кустам:

– Куда ты прешь, дурень? Паучьих шакалов кормить?! Скотина, всех подставишь. Сам в дерьме и других замажешь! – Кричать не хочу. И так все это «мясо» скоро подохнет в окружающем нас саксауле, так пусть хотя бы выспятся перед смертью.

– Не могу... – тихо воет Чиконе, уцепившись за меня. – Не могу... Не могу... Совсем замучила, подлость, пусть пауки, пусть шакалы... Не могу я, мой генерал... Не могу...

Это ж надо, у него мозги скоро через зад выпадут, а субординацию помнит. «Мой генерал»...

– Не могу... ыыы... – И что-то лепечет на итальянском. Надо парня в себя приводить.

– Чиконе... Чиконе...

– Не могу... ууу...

– Рядовой Чиконе! Встать!!!

Лепет и бессвязное мычание мигом прерываются. Таки вымуштровал я их, мерзавцев! Что бы там этот недоносок сержант ни говорил.

– Рядовой Чиконе, штаны снять! Сесть!

Боги, до чего дошло? Я, боевой генерал, отец-основатель крутой черной группировки, держу какого-то засранца-итальяшку «за грудки», чтобы тот не брякнулся от бессилия в собственные экскременты...

А еще говорят, есть спутники-шпионы, фотографии могут сделать любой четкости... И даже ночью... Чертова Африка!

– Терпи, Чиконе, терпи... Будешь еще... внукам рассказывать... Зараза... Твою мать...

Чиконе молчит. Сопит, делает свое дело и молчит. Совсем обессилен, мне приходится его держать изо всех сил.

Тяжелый... Вот уроню его прямо в его же...

– Мой генерал?..

– Что? – Боги, тупее ситуацию не придумать. Ночной диалог в саванне... Поэзия, мать ее...

– Я все... – шепчет Чиконе.

– Отлично. – Я встаю, дергаю на себя итальяшку, – Рядовой Чиконе, встать... Привести себя в порядок и спать. Завтра трудный день.

Я ухожу в темноту, слыша, как сзади неудачливый белый человек шуршит ремешками. И что-то еще. Какой-то звук вплетается в позвякивание пряжек.

Я обернулся и увидел, что рядовой Чиконе вытирает слезы...

Вот ведь... Я помедлил:

– Тебя звать как?

– Чиконе...

– Нет, я имя спрашиваю.

– Джузеппе. Мой генерал...

– Не реви, Джузеппе. Слезы – это вода... – И, чувствуя себя полным идиотом, я добавил: – Спокойной ночи, Чиконе.

Я снова упал на песок возле своего Абе, когда заметил, что тот не спит. Сторож...

– Все видел?

– Нет.

Врет мерзавец. И на том спасибо.

– Спать, Абе. И придумайте на завтрак что-нибудь для рядового Чиконе. От диареи.

– Будет исполнено, мой генерал.

– Спать... – Я отключил ночное видение и, оставшись в темноте, слышал, как снова укладывается мой денщик.

У меня же сна не было ни в одном глазу.

Как и куда я выведу отряд завтра, когда связи ни с кем нет? Да и сама попытка выхода на связь с кем бы то ни было равнозначна подписанию смертного приговора, потому что на место, где будет перехвачен сигнал, сразу направятся ракеты. И разбираться никто не будет. Не зря же в каждом отряде есть несколько специальных киборгов, которые занимаются проблемой коммуникации. И больше ничем, потому что на другое просто не хватит их нервной энергии.

Своих киборгов я потерял вместе с развел группой. И заблудился. В Африке. В цветущей странности, неживыми, после воплощения в жизнь очередного Великого Плана, деревьями саванне. Когда-то давно это была никому на хрен не нужная пустыня...

А, плевать, поведу завтра своих на запад, как шел до этого. Один черт, шансов куда-нибудь попасть немного.

В темноте беспокойно завозился Абе. И внезапно я испытал необъяснимый прилив нежности к этому парню. Одному из немногих, кто остался верен мне после ослабления позиций «Независимых черных» в Москве. Ослабления? Нет, я неправильно выразился.

Хотя бы с собой я могу быть честен?

После краха власти в группировке «Независимые черные». После того как нас вытеснили почти со всех позиций и зон влияния. После того как мы оказались не в состоянии контролировать даже Белое море... После того как в клане произошел раскол, а я был вынужден бежать из России...

И был прав! Трижды прав!

Потому что те, кто выбрал путь сопротивления, перестали существовать. Да, они красиво и эффектно говорили о том, что нельзя сдавать позиции без боя, что черные способны удержать власть в своих руках, что... Много красивых и хороших слов. И будь я поглупее и помоложе, я так же плюнул бы под ноги такому, как я. Как сделала это вся «Новая Черная Стая».

Только я уже не молод и далеко не глуп... Кажется.

Я хотел сохранить клан. А клан плюнул мне под ноги. Так кто теперь для меня «свои», а кто «чужие»?

В темноте снова завозились.

Я настроил ночное зрение и взгляделся. Тишина... Все спят. Только пауэчи шакалы тарачатся из кустов. Мерзкие твари, ничего не скажешь.

Дерьмовая ночка, терпеть не могу самокопания... Противная и бесполезная штука. Не люблю.

– Кто ж его любит? – спросила темнота слева от меня.

Я резко повернулся и увидел, как блики костра озаряют голого человека в набедренной повязке. Эбеново-черная кожа атласно отсвечивает...

В костре зло потрескивают сырые ветки. Подсвеченный алым дым поднимается в ночное небо...

Стоп! Какой костер?!

Какой костер, чертова Африка?! Не было никакого костра...

Я попытался вскочить, но ноги стали ватными.

В сущности, какая разница? Ракеты уже на полпути. Не заметить такой источник света в саванне, пусть освоенной, может только слепой. И никто ни в одном из штабов разбираться не будет, кто там, свои или чужие костры жгут. Бабахнут ракетами, и делу конец.

Мы все мертвецы.

Мысль о том, что торопиться уже некуда, наполнила меня спокойствием.

– Правильно. Не дергайся, – произнес черный человек и подбросил в костер еще ветку. – Тебе разве не нравится огонь? Когда-то ты был от него без ума...

– Я долго лечился. – Во рту у меня пересохло. Не осталось на этом свете тех людей, кто помнил бы о моем кошмаре детства. Пиромания. Я сказал уверенно: – И вылечился.

– Брось. – Черный человек смел мою уверенность, как ребенок сметает кучку песка ладошкой. – Нельзя вылечить от любви. Смотри, как он мерцает... Это зрелище для избранных.

Он говорил с наслаждением, пробуя каждое слово вкусовыми окончаниями языка. Ему нравился этот процесс – обкатывать языком каждый звук, выпускать в ночь слова, полные великого значения.

Человек пошевелил угли, они вспыхнули, и я увидел его глаза. Черные глаза ночи...

– Ты кто? – Горло как наждак. Я почти знаю ответ, помню памятью моего народа.

– Легба. Старый Легба. Великий Легба. Толмач Легба. Разве ты не помнишь меня? Разве ты не слышишь? – И он посмотрел на меня своими непроницаемыми глазами.

– Нет... – ответил я.

И вдруг отовсюду, как волны, как слабое дуновение ветра... Голоса. Звуки. Шепот воздуха. Бормотание земли. Песнь огня. Речитатив воды...

Дрожание струны? Комариный звон? Нет... Мир вокруг наполнен звуками, говорит на непонятном древнем языке.

Я ощутил себя маленьким мальчиком, дрожащим от одного вида огня. Сладкая дрожь, поднимающаяся откуда-то снизу... Каждый изгиб пламени порождает во мне стон, каждая вспышка – судорогу. Я люблю огонь... Такой жаркий, такой настоящий... Я иду к нему. Иду через всю свою жизнь.

Раздался сухой щелчок пальцев, и я увидел себя отразившимся в необъятных зрачках темного неба.

Тихий, как шелест, смех затих вдалеке.

Надо мной небо. Ночь.

– Мой генерал... – Чей-то шепот во тьме.

Я вздрогнул. Повернул голову направо.

Оказалось, это Абе сидит рядом в напряженной позе.

– Мой генерал, с вами все в порядке? Я сел, растирая лицо обеими руками:

– Да, Аб, все нормально. Я заснул... Который час?

Я ничего тебе больше не скажу, Аб.

Я видел бога. Я знаю, что все мы умрем.

5. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Специальный военный корреспондент

Большой тяжелый грузовик шел впереди. Из-под тента кузова на меня таранилось несколько черных физиономий и пара белых. Все курили, притом, как я чувал по долетающему запаху, отнюдь не простые сигареты.

Я ехал в открытом бронетранспортере. Рядом на дырчатом железном сиденье подскакивал Войт и что-то бормотал себе под нос. Федор сидел сзади, в грузовом отсеке, на каком-то тряпье. Он был изрядно пьян еще со вчерашней ночи, но я на это смотрел сквозь пальцы.

На коленях я держал маленький юаровский автомат «пигмей», который выиграл в покер у страшного испанца в «Обезьяне». У испанца истек контракт, и он ожидал подходящую компанию для возвращения домой, коротая время за картами и выпивкой. Когда игра подходила к концу, он навалился мне на плечо и, дыша в лицо жуткой химией, пробормотал:

– Вали отсюда, писатель! Вали скорее. Ты думаешь, у них тут их черножопые маршалы командуют? Э-э... – Он погрозил мне пальцем. – Мы тут все пешки! Пешки! Шестерки! Двойки! Потому оставь надежду всяк сюда входящий!

– Стой, стой, – сказал я на испанском. – Что за история?

– У-у-у! Это совсем плохое дело. Так что бери мой автомат и вали отсюда, вали, писатель! Вали скорее!

С этими словами он рухнул под стол и больше оттуда не появлялся.

Сейчас «пигмей» лежал у меня на коленях, и я был рад этому приобретению. Таскать тяжелую автоматическую винтовку не хотелось, а пистолет – это все-таки пистолет. Кстати, точно такой же был у клерка во время перестрелки в банке. С этой перестрелки все, собственно, и началось...

Над головой с истерическим криком пронеслась какая-то яркая птица. Сидевший на противоположной скамье негр что-то сказал своим соседям, те расхохотались. Их ехало с нами девятéro, все чернокожие, жизнерадостные, непрерывно жующие легкий наркотик кустарного производства под названием «бамба». Один дремал, положив голову на приклад тяжелого пулемета ХМГ – их в большом количестве продавали в Африку американцы со своих старых армейских складов.

До передовой было достаточно далеко, и нам в Шапугу предлагали проделать этот путь на вертолете. Большой пятнистый Ми-37 китайской сборки улетал прямо с крыши пресс-центра, но я отказался, а за мной, помявшись, отказался и Войт. Хотелось прокатиться. Сорок минут на трясушейся тарактелке или несколько часов по джунглям – есть разница?

Для меня – огромная.

В джунглях, скажу я вам, я чувствую себя на порядок лучше, чем в Новой Москве.

Здесь, во многих километрах от передовой, подстерегает гораздо меньше опасностей, нежели на улицах большого города, тем более такого нелепого и непредсказуемого, как Новая Москва. Леопард, бегемот, крокодил, любая змея ведут себя осторожно, и их поведение можно предугадать.

А как предугадать поведение человека с микрочипами в мозгу?

Как предугадать поведение наркомана, объевшегося Д-8 или «спринтера»?

Как предугадать возможность разборки между двумя молодежными группировками?

– Эй, приятель! – окликнул я того, что комментировал полет птицы. – Слушай, а в тылу часто нападают?

– А как же! – с готовностью ответил тот, сверкая зубами. – Спецотряды командос. Три дня тому назад комендантскую роту так расчихвостили! Там, правда, были в основном немцы да арабы из Джибути и Омана, а из них вояки известно какие.

– А из кого хорошие? – полюбопытствовал я.

– Китайцы, русские, арабы из Ирака, курды, – стал перечислять пехотинец.

– Кубинцы, мексиканцы, – добавил его товарищ, тощий и длинный, с большой золотой цепью на шее.

– Насчет мексиканцев я бы поспорил, – возразил мой собеседник. – Хараре из-за них только и сдали.

– Хараре все равно бы сдали, – буркнул тот. – Зато когда нас прижали у Нгулы, только мексиканский батальон и пробился. Я им по гроб жизни благодарен.

– Ну и будь благодарен, а я при своем мнении останусь. Так вот, журналист, – продолжил он, обращаясь ко мне, – тут все вояки в принципе неплохие. Вот только зачем мы все это делаем? Теоретически эту войну нельзя назвать ни освободительной, ни захватнической ни с одной стороны... Я раньше был преподавателем истории в университете, я знаю, о чем говорю. Идет позиционная возня: сдали город – взяли город, наступили – отступили. Шахматы. Даже не шахматы, в шахматах фигуры исчезают с доски безвозвратно, а здесь – возвращаются в под-

латанном и освеженном виде. Разбили корпус или дивизию – тут же появляются наемники и чехарда продолжается. В самых удобных местах, при самом идеальном стечении обстоятельств ни разу не было серьезных прорывов. В прошлом августе мы имели все шансы потерять столицу, и что же? Нкелеле свернул наступление. Вот вы журналист, вы можете это объяснить?

– Отсутствие резервов, боязнь оторваться от частей снабжения, ремонтных баз... – предположил я. – В конце концов, усталость...

– Полноте, – махнул рукой негр. – Мапуту лежит перед вами, 13-й и 40-й армейские корпуса бегут без оглядки, бросают технику. Но Нкелеле развернулся и отправился восвояси, чтобы опять продолжать позиционные бои. Еще одна интересная деталь: за всю историю боевых действий ни разу не было мирных переговоров на высшем уровне. Нет, капитаны и даже полковники иногда высылали парламентариев и обсуждали всякие мелочи: забрать раненых, сдать стратегически не важную деревню... А маршалам это не нужно. Маршалы играют в шахматы.

Негр вздохнул и сунул в рот новую порцию «бамбы» из полиэтиленового пакетика. Я подождал, что он еще скажет, но собеседник иссяк и даже, кажется, задремал, срубленный наркотиком. Тогда я достал из рюкзака захваченную из России книжицу Киплинга и углубился в чтение.

Место расположения штаба 2-го армейского корпуса появилось из джунглей неожиданно. Вначале послышалось утробное урчание моторов, потом показалась островерхая бамбуковая башенка с неизменным пулеметчиком, а затем и зеленые штабные шатры. Грузовик сопровождения покатило дальше, а наш бронетранспортер описал изящную дугу на утрамбованной глине плаца и остановился возле шестиколесной ракетной установки.

Я спрыгнул с машины. Войт, потягиваясь, последовал за мной, а Федор, так и не оклемавшийся после вчерашнего, вяло потащил пожитки.

Первое, что бросилось мне в глаза, – большой рукописный плакат на одном из шатров. Крупные русские буквы ярко-зеленого цвета гласили:

«Маленькие дети!
Ни за что на свете
Не ходите в Африку,
В Африку гулять!

В Африке акулы,
В Африке гориллы,
В Африке большие
Злые крокодилы!»

Стишок показался знакомым, но с таким же успехом мог быть и творением местных умельцев из числа русских наемников. Я хохотнул. Хихикнул и Федор, а Войт попросил перевести. Я перевел, тот ничего не понял.

– И где тут гориллы? – спросил он. – Последнюю гориллу вывезли на Мадагаскар семь лет назад, я читал в газетах. И акулы... Бред какой-то. Акулы в океане. А отсюда до океана очень далеко.

– Вы скучный прагматик, Войт, – сказал я.

Деловитый сержант – они, кажется, составляли основную часть мозамбикской армии, ибо кишели повсюду – велел нам идти к помначштаба подполковнику Сплинеру. Тот оказался симпатичным мулатом со щегольскими усиками.

– Журналисты? – не слишком одобрительно спросил он, потягивая мутноватый сок из стакана и разглядывая наши документы. – Ищете сенсаций?

– Работаем, – поправил я.

– Из России? – Он несколько переменялся. – У нас много ваших парней. Ладно, работайте. Найдите себе место в палатке, где свободно, и живите... Насчет еды не беспокойтесь, насчет выпивки – тоже. Все вопросы – к капитану Нуйоме, найдете его в штабе.

Возле штабной палатки на щите был укреплен большой портрет маршала Ауи. Благообразного вида негр, убеленный сединами, не слишком-то и черный, европеоидные черты... На груди, как водится, ряды орденов. Тем не менее человек с виду вполне цивилизованный, с покойным королем Махендрой не сравнить...

Под щитом стоял часовой в парадных белых ремнях и с надраенным карабином. Тут же висел мозамбикский флаг, а рядом – чуть пониже – флаги союзников: Кении, Танзании, Сейшел, Мадагаскара, Малави и Ботсваны. Из них по-настоящему воевали только Кения, Танзания, Малави и Ботсвана. На Мадагаскаре, который бог оградил водой, устроили даже заповедник, чтобы сохранить погибающие в мясорубке войны виды животных. Я слышал, что японцы вложили в это мероприятие очень солидные деньги. Хотя японцев это не оправдывает: они сейчас везде вкладывают очень солидные деньги, взять ту же войну... Весь флот адмирала Кеньяты-Джуниора сошел с японских стапелей. Флот тот, правда, почти что не воюет, потому что в джунгли крейсер не затащишь, но сам флот показательный.

Поймав за портупею очередного сержанта и вручив ему денежку, я устроил наше трио в просторной и пустой палатке, только что установленной. Двухъярусные кровати, походные столики и стулья, даже переносное стерео в углу. Хорошо живут при штабе! Капитан Нуйома, которому вверили наши бранные тела, отсутствовал, но сержант пообещал, что сообщит ему о нашем появлении.

Пока мы с Войтом обосновывались на новом месте, Федор сновал по штабному городку и собирал новости. Вернувшись и благоухая местным просынным пивом, которое военные скупали и экспроприировали у гражданского населения, он доложил:

– Наступления пока не ожидается, до передовой восемь километров, жрать дадут через три часа, вечером выдадут сухой паек.

– Вольно, – велел я. – Пиво нормальное?

– Бурда, – скривился Федор. – Чисто для ознакомления. Как наша бражка.

– Не пил ни разу, – сознался я.

– Да я сам случайно попробовал... Местные-то все трескают, они народ привычный.

– Смотрите, паук, – сказал Войт, с ужасом указывая в угол. Там сидела волосатая тварь. Федор тут же выскочил из палатки и поймал рядового-негра.

– Ерунда, господин, – сказал рядовой, без опаски хватая паука за длинную суставчатую лапу. – Хорошая еда. Я возьму?

Мы милостиво разрешили ему забрать мерзкое создание, после чего Войт глубокомысленно заметил:

– Было бы неплохо узнать, что тут готовят.

– «Солдат удачи» писал, что малавийцы частенько едят человечину, – сказал я, опускаясь на стул. – Думаю, армия Мозамбика тоже может стрескать пару убиенных врагов.

– Враки это все, – покачал головой Войт. – Это Фергюсон писал, я его знаю. Он и был-то в Найроби, до фронта не доехал... Подцепил какую-то заразу от девки в отеле... Никого тут не едят, скорее всего.

– Значит, мы будем первыми, – заключил я.

Три часа мы бродили вокруг палатки. Вернее, бродил я: Войт возился с камерами, а Федор, как и положено хорошему солдату, спал в тени на надувном матрасике.

Насколько я представлял себе карту военных действий, сейчас мы находились на территории бывшей Замбии или нынешней Малави. Скорее первое. Двум странам – Зимбабве и Замбии – не повезло, потому что они выступили в роли поля боя для двух противоборствующих

группировок. За Хараре, столицу Зимбабве, в свое время шли кровопролитные бои. Защищали город верные режиму тогдашнего президента Ионы войска, которым ничего не оставалось – они оказались между двух огней. Замбия отделалась несколько легче – ее попросту разделили пополам, введя военное управление на аннексированных территориях, но потом начались бомбардировки и государства не стало. Медные рудники превратились в лунные пейзажи, антропологический музей в Ливингстоне с трудом успели вывезти какие-то восторженные идиоты из ЮНЕСКО, потеряв более десятка человек, а на Луанду кто-то из воюющих – до сих пор неизвестно, кто именно это был, – сбросил под шумок бактериологическую бомбу с вирусом гриппа Кафуэ. Население частично вымерло, частично разбежалось, и сейчас в эту местность вообще никто не совался. Эпидемии по странному стечению обстоятельств не случилось, чего медики до сих пор объяснить не могут. Прививки от гриппа Кафуэ нам, кстати, сделали. Это было очень больно.

По ветвям акаций скакали мелкие птички. Неподалеку довольно мелодично распевал голый до пояса чернокожий солдат, обхаживая артиллерийское орудие. Я призвал на помощь свои оружейные познания – вроде бы старая британская L-118.

Африка собрала по миру все старье, которое пылилось на армейских складах. БМП и БТР конца прошлого века из Словакии, Польши, ЮАР, США и Египта; британские легкие танки «Скорпион», украинские Т-54, Т-55, Т-62 и Т-72, румынские «Грады», вертолеты AS-350В и AS-532 из Франции, SA-316В из Нидерландов, штурмовики А-37 из США, F-5 из Канады, MB-326 из ЮАР, МиГ-21 из Израиля, американские транспортники С-130В... Покупались, конечно, и новые, и сверхновые образцы, но в основном воевали на антиквариате. И у той и у другой стороны имелось и тактическое ядерное оружие, но в его наличии никто признаваться не хотел.

Мимо трусой пробежало отделение коммандос в маскировочной форме, с КОРами, ракетой дальней связи, с автоматами на толстых потных шеях. Скорее всего, киберы. Хотя процент киберов в войсках не так уж высок, была на этот счет публикация в «МК». Среди самих африканцев их и так не очень уж много, а киберов-наемников берут в основном в спецчасти либо в техобслуживание.

– Пора есть, – сказал Федор, не открывая глаз.

– Пора так пора, – согласился я.

Он проводил нас в столовую, расположившуюся под навесом в окружении цветущих низкорослых кустиков. За длинными столами сидели солдаты и офицеры без особого разделения на касты. Среди них я заметил несколько русских, которые встретили наше появление довольно индифферентно. Ничего удивительного – земляков в Африке собралось достаточно, чтобы не радоваться каждой русской морде.

Обед оказался обильным и вкусным: бобовый суп, бифштекс с картофелем и овощами, сок. Спиртного за столом никто не пил, очевидно, этим занимались в свободное от обеда время.

Отобедав, мы с Войтом пошли искать капитана Нуйому. Он вышел нам навстречу из палатки: лет тридцати пяти, с длинными волосами, заплетенными в жесткие косички, ниспадающие из-под форменного берета, с маленькой маузеровской кобурой на ремне. Выслушав наши приветствия, он сухо кивнул и жестом пригласил войти в палатку. Там оказалось уютно: была даже книжная полочка с рядами томиков на португальском и английском. Среди авторов я заметил Лумумбу, Нето, Душ Сантуша. На стене висел прикрепленный скрепками стереопортрет незнакомого мне старенького седого негра в очках.

– Прошу вас сесть, – чинно сказал капитан.

Мы разместились на складных стульчиках, а он тем временем извлек из-под койки бутылку виски «Торонто Клуб» и пластиковые стаканчики.

– За встречу, – предложил он, с треском скручивая пробку.

Мы с Войтом переглянулись.

Второй тост последовал сразу за первым. Только-только мы проглотили содержимое стаканчиков, как Нуйома налил снова и провозгласил:

– За победу! Пусть старый бабуин Нкелеле умоется кровью и грязью!

Выпили и за это. Закуски не было. Капитан скомкал стаканчик, бросил его в угол и спросил, сверкнув белками:

– Зачем вы приехали?

– Писать о войне, – сказал Войт.

– А что о ней писать? Вам в Европе всегда было интересно смотреть, как дерутся недочеловеки? Мы для вас всего лишь гладиаторы, не так ли? Я знаю, что у вас там работают тотализаторы: возьмет Нкелеле Булавайо к будущей пятнице или же нет? Какими будут официальные потери при штурме Зомбы? Делайте ставки, белые господа!

– Бог с вами, капитан, – отмахнулся Войт. – Я лично этого никогда не одобрял.

– И все-таки мы гладиаторы, – пробормотал капитан, не слушая, и я стал подозревать, что Нуйома немного не в себе. – В Древнем Риме мы сражались на аренах. Сегодня арена – весь юг Африки, вся ее добрая половина... На севере устраивать арену опасно – ракеты все-таки не мечи и не копья, могут залететь и туда, куда не положено...

Пусть мы ответим:

«Здесь!» —

Когда нас позовет Возрождение мира.

Пусть мы станем дрожжами —

Без них не взойти белому тесту.

Ибо кто внесет оживляющий ритм

В этот мертвенный мир

Машин и орудий?..

– Кто это написал? – спросил ошеломленный Войт. – Вы?

– Африканский философ, поэт и политик, член Французской академии, первый президент Республики Сенегал Леопольд Сенгор, – с гордостью сказал капитан.

– Ну, насчет орудия и машин я бы поспорил... – буркнул Войт, глядя сквозь откинутый полог палатки на рычащий танк, разбрасывающий из-под гусениц ошметки жирной земли.

– Это ваши машины и ваши орудия, – парировал капитан. – Вы продаете их нам, вы учите нас их строить.

– К чему весь этот спор? – поинтересовался я. Нуйома улыбнулся:

– Разминка. Вы – люди образованные, журналисты. Будете скучать – вспомните про меня, захотите поговорить – придете. Я философ, окончил Принстон, потом Вест-Пойнт, а практиковаться негде. Даже слушателей найти тяжело. Эти старые мысли о всеобщей африканской идее... Знаете, сейчас они никому не интересны. Виртуальность, наркотики, кибершпионаж, борьба корпораций... А у нас либо до сих пор купают детей в бычьей и слоновьей моче из-за отсутствия воды, либо объедаются синтетическими антидепрессантами в ночных клубах Йоханнесбурга и Лагоса. Африка расслоилась. НЕКи и НЕРвы с одной стороны и дикие племена – с другой.

– Простите, если перебил вас, но я про арену... Мне уже говорили нечто подобное. И не раз, – заметил я. Капитан кашлянул:

– Я действительно так думаю. Я атеист, но какая-то высшая сила явно вмешивается, и это не обязательно Господь Бог. Либо деньги, либо мифическое Мировое Правительство, либо искусственный интеллект...

– Искусственный интеллект? – Я даже привстал.

– А почему бы и нет? – улыбнулся Нуйома. – Смотрите – два лагеря, два военных союза. Почему Танзания воюет на нашей стороне, а Ангола – на стороне Нкелеле? С таким же успехом могло быть наоборот... Почему империя соблюдает нейтралитет и лишь продает оружие обеим сторонам? Почему Замбия и Зимбабве не захотели участвовать в сваре и пали первыми, причем их уничтожили беспощадно? Сотни вопросов. Я уж не говорю о вещах, недоступных пониманию людей военных, получивших соответствующее образование. Стратегии как таковой в этой войне не существует, это я утверждаю как выпускник Вест-Пойнта. Поэтому я, наверное, до сих пор капитан, хотя знаю вчерашних лавочников и мясников, дослужившихся за три года до полковников. Сам Ауди был посредственным бригадным генералом, пока не случился этот чертов переворот. Теперь на него молятся. А те, кто не молится, все равно за него воюют, потому что, если не воевать за него, придется воевать за Нкелеле.

– Уезжайте в Европу.

– Многие уехали в Европу. Профессора, инженеры, даже политики. А из Европы многие едут сюда. Станный круговорот... Я согласен, в России сегодня жить опасно и плохо, но здесь не лучше! Способов заработать и в Европе хватает... Кстати, о заработках: вы не задумывались, откуда берется столько денег на войну? Еще один вопрос, не имеющий ответа...

Капитан помолчал.

– А я... Я здесь потому, что мне интересно, чем это кончится. Завтра я еду на передовую с инспекцией, могу взять вас с собой. Посмотрите, что такое война. Что-то вроде летнего лагеря для бойскаутов, и только.

– Хорошо, мы поедem, – кивнул я, – Надолго?

– Давайте думать, что навсегда, – сказал Нуйома и отхлебнул прямо из бутылки.

6. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

Проснулись все-таки не все.

В спальный мешок к долговязому шведу Гунару Торбьерну заползла гадюка. Погреться захотела, сволочь. Судя по всему, он ее придавил во сне... Умер, даже не проснулся, дыхание перехватило. На его лицо смотреть было страшно.

Солдаты зарывали тело молча. Косились на меня, словно это я ему гадюку подсунул. Дерьмовая ситуация, ничего не могу сказать. Пока еще все тихо, но если не произойдет значительных изменений, можно будет ожидать выстрела в спину. К тому же сержант очухался. Пока молчит, сапогами песок топчет и на конвоиров глазенками зыркает. Надо было его расстрелять по закону военного времени, но ничего, успею. Наверное... Хотя, впрочем, какая разница? Ну не я его убью, а мозамбикские обезьяны... Ну и что? Одно досадно, что я этого уже не увижу...

Я повернулся к отряду:

– Подтянись, макаки! Живее, живее!!! Впереди вода!

Ничего не изменилось. Парни действительно измотались... Даже моя выдумка о воде не помогает...

Впрочем, почему выдумка? Впереди действительно озеро. Ньяса. Большое пограничное озеро.

Зато за ним Малави, северную часть которой прочно удерживают войска Анголы. Порт Нкхата Бэй. В порту бесчисленное множество шлюх, наркоторговцев, наемников и прочего человеческого мусора, который всегда скапливается там, где воюют.

Вот только до Нкхата Бэй нам так же далеко, как и до неба. До неба даже ближе.

Некстати вспомнилось, как в подготовительном лагере армии Анголы пьяный капитан-инструктор сказал мне:

– Когда вы окажетесь в районе Камбулацици, обязательно выщелкнете один патрон из обоймы. Он вам очень пригодится... Дело в том, что тамошние племена приноровились жрать пленных живьем... Достижения современной медицины! Там целые бараки таких вот... объедков. И все живы, правда не скажу, чтобы здоровы. Ха-ха-ха...

Капитан был уже пьян, но продолжал прикладываться к бутылке. Питье в него уже не лезло, а он все пил, пил, пил... Ноги отказывались держать тело, желудок выворачивался наизнанку, а капитан все накачивался дешевым пойлом.

Когда я видел его в последний раз, он, раскачиваясь, стоял в очереди за новой бутылкой синтетической мексиканской текилы. И плакал...

Ирония судьбы заключалась в том, что именно на Камбулацици мы и идем. Точнее, должны идти, если я что-то понимаю в ориентировании на местности. Оттуда можно будет добраться до Чипока, малавийского порта на озере Ньяса...

Я тяжело вздохнул. Все это верно только в том случае, если тот жалкий кусок пластика, который мы считаем картой, не врет, а мое знание местности не подводит меня.

– Живей! – Мой крик поднимается куда-то вверх, к палящему солнцу, и падает оттуда на головы моих людей. – Живей...

Сколько их осталось?

Я присмотрелся к жалкой группе, бредущей по песку. От отряда осталось пятнадцать человек, считая меня, Абе и арестованного сержанта, который плетется в арьергарде, сопровождаемый двумя молчаливыми немцами. Не густо, некого даже вперед послать...

Мы продрались сквозь кусты и начали подъем на пологий склон холма, густо поросшего ржавой растительностью с зелеными, еще не выцветшими проплешинами. На вершине виднелась небольшая рощица. Место для привала.

Склон. Последние метры... Вершина. Несколько деревьев и три больших камня, здоровенных куска гранита.

Я еще успел порадоваться, что ветер дует нам в спину... Дурак.

Оказалось, что деревья растут довольно густо, и на плато, которое образовывала вершина холма, расположилась целая роща. Привыкшие к яркому солнцу саванны глаза не позволяли увидеть что-либо в тени. Прохладная темнота...

Я не чувствовал опасности. Ее и не должно было быть. В тылу у противника. В области, где и в лучшие-то годы плотность населения составляла от двух до десяти человек на квадратный километр.

Все началось, когда последний солдат, кстати, это был мой сержант, вошел в тень.

Казалось, пули посыпались сверху, как перезрелые кокосы с пальмы. Наверху оглушительно загрохотало, посыпались срезанные ветки деревьев, листья, мусор... Кто-то закричал, как заяц.

Передо мной, метрах в пяти, земля вздыбилась, брызнула огнем, горячим дымом и осколками...

– Назад! Все назад! – закричал я, перекрывая грохот автоматов, и закашлялся.

Рядом со мной кто-то вскрикнул, чужая кровь ударила меня по лицу.

Подхватив упавшего солдата, я продолжал пятиться, одной рукой поливая кроны деревьев над нами из укороченного «Калашникова». Пули с визгом срезали ветки, пронзали листья и улетали в прозрачное небо...

Когда мы скатились вниз по склону холма и залегли, я обнаружил, что троих уже нет, включая того, которого я нес. У парня была пробита голова.

Отовсюду слышалась ругань, бессильные проклятия.

Предупредительный Абе что-то сунул мне в руку.

– Что это? – спросил я, утирая лицо.

– Список, мой генерал.

– А... Хорошо... – Я не совсем понимал, про что он говорит.

Оказалось, что это список с именами тех солдат, что остались в роще.

Леон Крафт, Аурелио Лопес, Курт Лефберг.

Два немца и мексиканец отправились к дьяволу только потому, что я недооценил ситуацию. Замечательно, черт побери!

– Отряд ждет ваших приказаний, мой генерал...

Приказаний... Я сплюнул:

– Абе, на карте этот участок – пустыня. Тут нет никаких баз, постов, тут нет никаких деревень, тут, черт побери, нет ни одного человека... Не должно быть. Потому что ни один идиот не будет загонять сюда военную часть. А здешние туземцы еще только-только луки осваивают... Впрочем, что я тебе это объясняю? Дай мне Коваленко.

Абе убежал.

Странная ситуация. Большая часть отряда в целости, нас никто не преследует... Хреново организованная засада, малочисленная и плохо вооруженная. И ко всему прочему – бессмысленная.

Если, конечно, не принимать во внимание тот факт, что где-то в этой роще прячется некий военный объект. Или не военный, а гражданский, но стратегически важный...

Последнюю мысль я отмел. Стратегически важный объект так не охраняется. Разве что только какая-то тыловая точка, может быть, локальная радарная станция с обленившимися вконец радистами и охраной. Вот эти могли бы с перепугу выставить в охранение две пулеметные точки, что, в общем-то, не так уж и глупо. Особенно если учесть тот факт, что персонал станции может вызвать подмогу и все, что нужно, – это продержаться некоторое время и удержаться на приемлемой дистанции.

– Мой генерал?... – Это Коваленко.

Щуплый такой русский, но выносливый, как трактор. Казалось бы, в чем душа держится, а нет, прет на себе портативную установку огнеметания, в просторечии «пустоту», и ничего. Не жалуются.

Кстати, «пустота» у нас единственное, что уцелело после неудачного штурма той ракетной базы. И Коваленко единственный ее оператор. Остальные так и лежат где-то в истоках реки Замбези.

– Нужна стена огня перед нами. Ветер нам в спину. Думаю, что проблем с фронтом пламени не возникнет. Понял?

– Понял, мой генерал. – Коваленко хитро прищурился. – Но мы под горой... А «пустота» – оружие, для которого предпочтительна прямая линия... Понимаете?

– Понимаю... – Мерзавец. За кого он меня держит? – Но если стены огня не будет через десять минут, я погоню всю эту ораву обезьян под пулеметный огонь, а ты пойдешь первым. Так что постарайся...

Коваленко облизнул губы. Эта его привычка меня страшно бесила.

Я встал и отошел в сторону. Что-то как будто осталось незавершенным...

– Да, вот еще что... Коваленко?!

– Я!

– Через одиннадцать минут, если в глубине леса то, что я думаю, тут будет спецкоманда по уничтожению. Понимаешь, про что я говорю?

Коваленко побледнел и начал в спешном порядке расставлять сошки «пустоты», накручивать верньеры. Перед ним загорелось голографическое изображение поражаемой местности.

«Пустота» – это изобретение полубезумного русского специалиста-оружейника Пелевина. Богатый как Крез, он вывесил на орбиту специальный спутник, работающий только на

его установки и защищенный от постороннего вмешательства целым сонмом устройств. Благодаря этому спутнику тактический огнемет ПУстОта в любой точке земного шара получал по защищенному каналу связи реальные данные о местности, доступной к поражению.

Ни одно государство мира, за исключением, кажется, Китая, «пустотный» спутник не глушило, поскольку он был один, а «пустота» использовалась во всех армиях мира. Кроме Китая.

Разобраться в устройстве огнемета было практически невозможно. Любая попытка разбраться в деталях приводила к самоуничтожению агрегата. Уникальность этого оружия заключалась в том, что производство его велось на независимых территориях, вне государственного права, на орбитальной станции, под личным контролем изобретателя, в штучном порядке по специальному заказу. В использовании огнемет требовал обученного персонала.

Все это делало «пустоту» довольно дорогостоящей штучкой. Дорогостоящей, но оправдывающей затраченные деньги.

Откуда у воюющих в Африке такие бешеные деньги, чтобы обеспечить свои войска массой «пустот», являлось загадкой номер один для всех спецслужб мировых сверхдержав. Почти в каждом полку армии Анголы, да и Мозамбика, наверное, тоже, на вооружении стояла хотя бы одна «пустота».

Позади меня зашипел всасываемый заборниками огнемета воздух.

Коваленко потребовалось всего три навесных заряда, чтобы выполнить мое указание.

Когда в дыму и пламени, черные и закопченные, как черти, расстреливая мечущийся в панике персонал, мы ворвались в помещение станции, внутри уже все было готово к эвакуации.

Строго по правилам уложенные железные ящики с информацией, рюкзаки цвета хаки без слов сообщили мне, что худшие предположения подтвердились, скоро тут высадится десант.

Мне в глаза бросился болтающийся на одном из вещмешков белый мохнатый медвежонок с оторванным ухом, что придавало ему исключительно боевой отчаянно-решительный вид. Зачем он здесь? В качестве талисмана? Подарок? Или на станции были дети?..

Этого я так и не узнал. Та часть персонала станции, которую не расстреляли мои солдаты, ушла по подземным переходам. Догонять их в темноте незнакомых переходов, туннелей и пещер, которые помнили еще доисторические времена, было полным безумием. На всякий случай я приказал завалить вход в катакомбы и занялся осмотром станции.

Небольшая станция, немного ретранслятор, немного шпион, немного корректировщик огня. Последняя функция не использовалась ввиду значительной удаленности от фронта. Частичка электронного щита Мозамбика. Полувоенный объект. Этим, кстати, и объяснялась та тупость, с которой была организована засада.

Впрочем, моя тупость, с которой я в эту засаду попал, была не меньшей.

– Мой генерал! В гараже обнаружены два грузовика. Баки полные.

Уйти на грузовиках, а потом их бросить?..

Пешком мы не сможем уйти от станции так далеко, чтобы избежать встречи с эвакуационной командой, которая наверняка вот-вот будет здесь. Однако грузовики слишком заметны в этой местности, где и дорог-то нет, одни тропинки, протоптанные босыми ногами здешних жителей.

Уйти на грузовиках подальше, а потом их бросить?.. Ногами не уйдем...

– Грузитесь... Берите все, что может представлять какую-либо ценность.

– Что делать с пленными?

– С пленными? – Да, мой генерал, четверо связистов. Киборги, мой генерал.

Использовать чужих киборгов для собственных нужд?.. Это еще хуже, чем стрелять из трофейного оружия, найденного в болоте. Оставить в живых?.. Невозможно.

– Расстрелять. – В конце концов это просто киборги.

– Есть!

7. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Специальный военный корреспондент

Разведывательная группа, выдвинувшаяся вперед с локаторами биообнаружения, поймала местного жителя – согбенного старичка в одной набедренной повязке. В его редких волосах кишели насекомые, во рту не имелось ни одного зуба. Старичок с ужасом смотрел на нас глазками, вокруг которых засох гной, и мелко дрожал.

– Ты кто такой? – спросил Нуйома, стараясь не испугать старика еще больше. Тот что-то пискнул.

– Он лози, господин, – вмешался кто-то из рядовых. – Не знает португальского и чиньянджа. Земледельцы, они с начала войны совсем одичали, кто выжил... Я немножко знаю язык лози, я жил в Солвези до войны.

– Спроси, кто он, где живет, не видел ли поблизости людей с оружием, – велел капитан.

Рядовой некоторое время переговаривался со стариком, причем последний несколько осмелел и даже подобострастно хихикнул под конец. Закончив беседу, рядовой повернулся к нам:

– Он говорит, их деревню сожгли еще прошлой осенью. Он ушел к родственникам в соседнюю, но и ту сожгли несколько дней назад. Приходили люди с ползучими машинами, искали еду. Забрали одну свинью, совсем худую, а потом убили хозяина за то, что прятал ее, и сожгли деревню. Старик уплыл по реке, потом ходил по лесу. С тех пор людей не видел.

– Когда это было точно?

Старику перевели. Он что-то сказал, тыча узловатым пальцем в небо.

– Пять дней назад, – сообщил рядовой.

– Ладно. Дайте ему поесть, да немного, пусть идет по нашим следам на восток, – велел Нуйома. Повернувшись ко мне, он поинтересовался: – Что скажете?

– Думаете, доберется до лагеря? – ответил я вопросом на вопрос.

– Возможно. Если не пристрелит патруль или не убежит опять в лес. Он боится нас не меньше. Я стараюсь не думать об этих людях, которые попали под топор случайно. Их слишком много, чтобы думать о каждом. Вы были до войны в Салиме? Это курорт на озере Ньяса.

– Не довелось.

– Очень, очень красивое место. Куда там Копакабане или Ривьере... Я был там в прошлом году. Вся прибрежная линия забита трупами, свежими и разложившимися.

После этого выброса воспоминаний он ушел к своей машине.

Капитан, философ и кадровый офицер, мне положительно не нравился, и я не мог ничего с этим поделать. За интеллигентностью и склонностью к размышлениям скрывалось что-то скользкое и жестокое, что пока не проявилось, но, несомненно, проявится... В пути я поделился своими наблюдениями с Войтом.

– Согласен с вами, – сказал тот, опустошая флягу с водой и вытирая пот. – Очень неприятный человек. Однако это единственный приличный собеседник.

На открытом месте мы увидели небольшое стадо зебр, пасшееся метрах в двухстах от дороги и пугливо бросившееся бежать. Кто-то для острастки пальнул по ним, но не попал.

– Хорошая еда, – заметил наш водитель, с сожалением причмокнув. – Очень вкусная.

– Странно, как они тут выжили, – удивился Войт.

– А как выжил старик лози? Кстати, не хотите? – Я протянул ему упаковку финских компенсаторов в голубоватой пачке.

Войт скосил глаза:

– Что за отравка?

– Компенсаторы. Кажется, 2087-К-13. У них коды, а не названия, это ж не аспирин и не цитадин... Мне выдали на всю нашу троицу. Полные карманы.

– А если их не есть?

– ВВС Нкелеле тут все к чертям засыпали мутагенами, – серьезно сказал я, отковыривая серебристый язычок-фиксатор и бросая в рот большую круглую таблетку. Она зашипела на языке. Какой-то морковный вкус, противный...

– Послушайте! – поднял палец Федор, получив свою порцию компенсатора. – Стреляют?

– Стреляют, – подтвердил водитель. – Передовая, Они там все время стреляют...

Я прислушался. Действительно, впереди еле-еле что-то попукивало. Как житель Новой Москвы, я бы классифицировал это как автомат Калашникова, бьющий одиночными. Патроны кто-то экономит.

Попукивание приближалось, потом что-то натужно загудело и грохнуло.

– Мина, – констатировал водитель. – Китайский миномет. Конголезцы, суки, о себе напомнили.

Через минуту пришла команда остановить колонну и пробираться дальше россыпью на своих двоих. Мы пошли вдоль дороги, оставив водителя у машины. Федор со своей винтовкой был начеку, я держал «пигмея», а Войт, по-моему, прикидывал, кого ему лучше щелкнуть своим «ником». Любопытно, чего это он так взъерепенился со съемками... Я его фотографий в «Рейтере» сроду не видел. Репортажики делал, да, но фотографом не считался.

Мозамбикцы появились из зарослей высокой травы абсолютно бесшумно, и их старший, очень загорелый, но все равно светлокочий сержант, сказал галантно:

– Рады приветствовать гостей на позициях отважного Второго армейского корпуса!

Прозвучало это по-русски, а потом по-английски.

– Земляк! – заорал Федор и полез обниматься.

Выяснилось, что сержанта звать Костик, а сам он из Москвы, с улицы Антошина. Костик и Федор были знакомы. Когда-то в бурной юности они даже дрались друг против друга. Фамилия Костика была сложная и длинная – Чечельницкий, поэтому для местных он был Костик, так и значилось на его нагрудной табличке.

Черные пехотинцы переглядывались и улыбались.

– Ну и как тут у вас? – спросил я, поправляя автомат. Костик хмыкнул:

– Как всегда. Землю задницей гребем. Роем окопы, выпрямляем линию обороны. Конголезцы тоже роют окопы, выпрямляют линию обороны... Вчера со спутника лучом дали, почему-то не попали, мили три в сторону, слона убили. Какого черта он залез сюда, не представляю, местные уже сто лет их не видели... Кстати, пробовали слоновье сердце? Замечательно. Как шашлык: кусочек сердца, кусочек жира из грудной полости, и все это на костер... Настоящее охотничье блюдо.

– С тебя слон, – ткнул пальцем в сержанта Федор. – С нас выпивка.

– Идет, – согласился тот. – Пойдемте, размещу вас с удобствами.

Удобства были куда хуже, чем в штабном городке. Спальные мешки грязные и рваные, в которых явно кто-то недавно спал. Помещались мешки в природной ложине, немного углубленной и прикрытой хворостом и листвой. Поодаль валялась груда банок и пакетов из-под концентратов.

– Бардак, конечно, – согласился сержант, глядя на наши физиономии, – но это еще ничего. Жить можно. Биотуалета нет, соответственно, гадить можно везде. Главное – если накроют, не падать мордой в дерьмо. Так что лучше сразу договоритесь, где будете этим заниматься. Непосредственно до линии фронта около мили, но долетает и сюда. А бывает, что даже перелетает.

В подтверждение слов Костика что-то грюкнуло на севере, да так, что мы почувствовали, как вздрогнула почва.

Батальоном, в распоряжение которого мы попали, командовал некий майор Хоббс. Чистокровный зулус (как объяснил мне наш верный спутник капитан Нуйома, не объяснив, впрочем, происхождение фамилии майора), он относился к белым, а тем более к журналистам настороженно, но охотно позволил Войту сфотографировать его на фоне подбитого Т-80 с эмблемами ангольской армии. Танк остался здесь после попытки прорвать линию обороны.

– А на той стороне штук восемь наших, – шепотом сказал сержант Костик, возникший из сумерек. – Тоже после попытки... На днях опять будем ломиться, так что вы попали под самую раздачу. Поздравляю.

На окраине лагеря, возле штабеля каких-то ящиков, в клетке из бамбуковых стволиков сидел бабуин. Грязный и окровавленный, он злобно скалил желтые клыки и бросался на прутья, просовывая когтистую лапу наружу и пытался дотянуться до солдат, дразнивших его стволами автоматов.

– Чего обезьянку тираните? – спросил Федор.

– А это пленный, – жестко усмехнулся Костик. – Бабуин-стрелок. Не слышали?

– Нет, – признался я.

– Подарки с той стороны. Говорят, наша разработка, в свое время проданная ЮАР. Ловят вот таких приятелей, вживляют им в мозг маленький – с горошину – микрочип с батареейкой, вручают одноразовый ракетомет или лазерку и выпускают. Обезьяна та же самая, но в башке у нее программа: стрельнуть в человека, который похож на тот образ, что задан условием задачи. То есть в меня, например, или в другого бойца мозамбикской или малавийской армии. Обычно через пару дней батарейка сдыхает и обезьяна опять становится обезьяной, но частенько они успевают отправить на тот свет пару-тройку человек или вывести из строя технику. Этого поймали, когда он еще ничего не успел, а электроника работает: вон как злится... А вот и самопал его валяется.

Возле клетки в самом деле лежал коротенький ракетомет с одним зарядом. Такие клепали чуть ли не кустарным образом в реквизированных армией мастерских Киншасы. Ракета маломощная, но с небольшого расстояния может такое натворить...

Я подошел ближе и посмотрел бабуину в глаза. Ничего, кроме жуткой злобы, такой злобы, выразить которую животное, пусть даже умная обезьяна, просто не в силах.

Что они здесь все творят, черт побери?

В этот момент бабуин плюнул мне в лицо.

Вечером капитан Нуйома разыскал наше лежбище и отозвал меня в сторону. Почему-то он считал меня старшим в отряде. Так оно, наверное, и было: Федор официально мне подчинялся, а флегматичный Войт требовал постоянной опеки. Я же со своим боевым опытом, приобретенным при весьма странных обстоятельствах, как раз и годился на роль капрала. Да и мой журналистский сан приравнивал меня, как минимум, к младшему офицеру.

– Послушайте, Таманский, – сказал он, впервые называя меня по фамилии. – Только что пришла очередная порция новостей из штаба корпуса. Совсем недалеко бесчинствует ваш давний приятель – некий генерал Мбопа. Знаете такого?

– Я знал одного Мбопу, Мозеса Мбопу, но это было в Москве несколько лет назад. Неужели он?

– Он самый. У вас он занимался разными незаконными делами, потом перебрался к Нкелеле. Известная личность, могу заметить.

– Постойте, а откуда у вас информация о моем московском знакомстве с Мбопой? – Вопрос пришел мне в голову сам по себе, но, надо заметить, вовремя.

Нуйома попинал ногой в тяжеленном ботинке ствол невесть как сюда попавшего уродливого баобаба.

– Я многое обязан знать по роду своей деятельности Вы не в стране обезьян, хотя последних тут хватает... Мы знаем историю с НЕРвами, Таманский, и знаем, что вы далеко не штатское лицо, как бы вы им ни хотели казаться

– Хорошо. Допустим, Мбопа мне знаком, хотя лично с ним я общался очень и очень мало. Скажем так: мы находились по одну сторону баррикады.

– И вот сейчас ваш бывший соратник шныряет со своим отрядом по лесам и методично выжигает все, что попадает на пути. Завтра утром мы высылаем спецгруппу, антитеррористическую команду, и я хочу предложить вам принять участие в охоте. Вы ведь за этим приехали в Африку, не так ли?

– За этим тоже, – сухо сказал я.

– Вы трое там не помешаете. Вернее, четверо. Я присмотрел вам еще одного оруженосца и ординарца, парень хороший, правда, глуповат. Звать его Карунга, доброволец из матабеле.

Капитан свистнул. Из сумерек появился жирный тип в мешковатой форме, по ходу он что-то поспешно дожевывал.

– Я, господин!

– Вот твой новый хозяин, рядовой, – объявил Нуйома, не потрудившись даже выслушать мое мнение на сей счет.

– Да, господин. – Это уже ко мне. Я посмотрел на проказливую рожу Карунги, на его обширное пузо.

– Можешь идти, – распорядился я. – Завтра в шесть будь здесь со всеми вещами.

– Да, господин. – Карунга исчез.

– Несколько жирноват, но преданный и неплохо знает местность, – прокомментировал капитан. – Жирный, как баобаб... Недавно вычитал такое сравнение у Юбы Уэтху, это африканская поэтесса. Вы, конечно, не слыхали.

– Не очень удачно, – сказал я.

– Может быть, может быть... Но посмотрите на баобаб – разве он не похож на толстого, жирного мужчину, вставшего к тому же на голову? Знаете, есть легенда о том, что великий Нкулу-кулу посадил баобаб вверх тормашками. Поэтому ветви его так похожи на корни. Да... Но довольно о легендах. Завтра утром прибудет вертолет. Отсюда полетите, вместе с группой, а там – по обстоятельствам. Командир группы – лейтенант Эймс, но его все зовут Индуна. У них там двадцать четыре человека плюс вас четверо плюс пилоты. Путешествие обещает быть интересным... Спокойной ночи, Таманский.

8. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

Два японских грузовика «ЭМДеко» – не самый лучший транспорт для передвижения по саванне в условиях почти абсолютного бездорожья, но выбирать не из чего.

Излишне жесткая подвеска «ЭМДеко» позволяет ощутить каждую кочку собственной задницей, а уж про рытвины и ухабы говорить просто страшно. К тому же из Ламбразони водитель никакой. Нужно было сесть в другую машину, там за рулем Коваленко, у него с техникой проблем меньше. Мексиканец Карлито, сидевший слева от меня, на каждой кочке вздрагивал и бормотал что-то вроде молитвы, но с употреблением невероятно неприличных слов.

Машины шли параллельно друг другу, чтобы никому не пришлось глотать едкую пыль, что поднималась из-под колес и зависала в неподвижном воздухе. Замечательные следы мы оставляем, но с этим приходится мириться. К тому же погоне еще придется повозиться с пер-

соналом станции, который заперт в катакомбах... Да еще в заминированную станцию нужно войти, пусть в качестве мин обычные «растяжки». Все-таки хоть какое-то время у нас есть.

К четырем часам мы прошли уже, наверное, километров восемьдесят, что для такой местности очень неплохо. На вертушке нас быстро нагонят, но это не сразу. К тому же для вертушки у нас имеется пара-тройка сюрпризов в виде нескольких миниатюрных «стингеров» старого образца, подобранных на уничтоженной станции.

Впервые за весь период этой исключительно неудачной кампании у меня появилась надежда. Пусть не выжить, но продать свою черную шкуру.

Трясаясь в кузове грузовика, я мысленно вернулся в те дни, когда оказался при дворе Нкелеле, пытаюсь разобраться в течениях, политике и интригах. Несмотря ни на опыт, ни на возраст, я не сразу понял, что стоит за всеми этими хитросплетениями.

«Независимые черные» после истории с алмазными НЕРвами продержались еще год. После чего русские вытеснили нас со всех территорий влияния, а затем в ходе короткой вооруженной борьбы просто развеяли «независимых» по ветру. Причем я на них даже не обижаюсь. Они были в своем праве. На своей территории, на своей земле. Просто случилось то, что должно было случиться давно.

Затем развернулась вся эта катавасия в Африке. И я оказался одним из многих при дворе маршала Нкелеле. Сначала в должности советника, потом действующего советника, а потом в должности боевого генерала. Звучало громко, а на самом деле боевой генерал – это всего только командир группы, предназначенной для выполнения спецзадания. Таких генералов в армии Анголы пруд пруди. Но пока я крутился в водоворотах дворцовой жизни, я понял, что должность боевого генерала – это лучшее, что можно получить. Потому что за взлетами и падениями при дворе, за сложными стратегическими ходами, за необсуждаемыми приказами и еженедельными расстрелами неугодных, слишком много узнавших, за «случайными» смертями стояло Ничто. Да, именно Ничто. В лице маршала Нкелеле. И это было страшно. У маршала была всеобъемлющая и всепроникающая власть. Он знал все и всех, вне зависимости от того, были представлены ему эти люди или нет. Семнадцать покушений на него провалились по совершенно невероятным причинам. Заговорщики просто исчезали из дворца. Их трупы обнаруживались неподалеку, во рву, предназначенном специально для этих целей.

Маршал был непобедим, потому что его сознание было постоянно, в любой момент времени связано со стратегическим центром, с ключевыми точками на фронте, с командирами крупных и мелких подразделений. Маршал был шизоидом, в голове которого постоянно жужжали голоса, звучали доклады тысяч и тысяч электронных мух... Никто не мог сказать, зачем Ангола и ее союзники нападают на Мозамбик. Зачем нужна эта война? Ради чего ведется? Какова ее цель?

Размышлявшие над этим склонялись к тому, что война нужна маршалу Нкелеле и его противникам. Чтобы двигать войска, как шахматные фигурки на поле, в тщетных попытках выяснить, кто же сильнее в стратегии, кто превосходит... Сумасшедшие?

Однако ни маршал Нкелеле, ни его противник маршал Ауи не были сумасшедшими... За ними стояло что-то могучее и словно бы неживое,

– Мой генерал, – прервал мои размышления Абе, перекрикивая рев мотора и грохот полуразбитых, незакрепленных бортов. – Мой генерал, дальше дороги нет...

Я посмотрел вперед.

Грузовики сбросили скорость и медленно пробирались среди высокой травы. Дороги дальше действительно не было. Просто саванна.

Я грохнул кулаком по зеленой крыше водительской кабины и заорал:

– Стой!! Выгружаемся... – Присмотревшись к линии горизонта, добавил: – Направление движения на три дерева, прямо по курсу...

Пока солдаты выпрыгивали из кузовов и медленно, слегка пошатываясь, разминали затекшие ноги, я подозвал водителей. Коваленко выглядел возбужденно, нервно улыбался. Ламбразони был угрюм, с его лица градом катился пот.

– Отгоните машины на километр к югу. Там, судя по карте, должен быть небольшой овражек. Оставьте машины в укрытии и бегом догонять группу. Все понятно?

Оба, ни слова ни говоря, откозыряли и разошлись по кабинам.

– Вперед! – Дьявол, так все время орать – глотка сядет...

Отряд двинулся в сторону виднеющихся на горизонте баобабов. Чиконе шел последним, он был бледен.

Я подозвал Абе:

– Послушай, ты у нас, если не ошибаюсь, владеешь языками вамакуа?

– Думаю да, мой генерал. Они говорят на смеси африкаанс, португальского и местного диалекта... Должны говорить...

– Ну вот и замечательно. Впереди у нас деревня, поселение местных жителей, которые живут тут с незапамятных времен. Мне не нужны осложнения с ними, ясно? Я надеюсь переночевать в этой деревне и получить воду.

– Вас понял, мой генерал, – ответил Абе.

Хороший парень...

Коваленко и мрачный Ламбразони догнали нас, когда я уже смог различить столбы дыма над местом предполагаемой стоянки.

В этом районе располагались три деревни, в которых жили племена, несомненно имеющие один корень, но по каким-то причинам не дружащие между собой. Мы пошли к самой дальней. До этой деревни наши преследователи доберутся в последнюю очередь.

Где-то рядом со мной, в темноте, возились мыши. Они боролись за территорию, за еду, за власть... Вся жизнь – борьба.

Я прикрыл глаза. Что ни говорите, а спать под крышей – это далеко не то же самое, что спать на открытом воздухе. Каким бы удобным и теплым ни был ваш спальный мешок, он не сможет заменить надежность крыши над головой. Пусть даже соломенной.

Деревня, в которую нас любезно пустили переночевать, была почти со всех сторон окружена деревьями. По здешним меркам это было большое, крупное поселение, включающее в себя около двух десятков хижин и редкий частокол.

Я и мой денщик были приглашены в дом, точнее, хижину вождя Вамакуа, носящего имя своего племени. Я так и не понял, было ли это имя собственное или так звали всех вождей этого племени.

Когда мы вошли в деревню, нас тут же окружила стайка страшеньких, худых ребятишек с выпуклыми от недоедания животами. Но они были приветливы, смеялись. Каждый почему-то считал своим долгом подкрасться и ущипнуть нас за ляжку, при этом все начинали тут же шумно галдеть и говорить так быстро, что Абе не успевал понять даже смысла сказанного.

– Ты думаешь, что все так хорошо, как хочется тебе, – услышал я сквозь сон чей-то голос, и сухой, прохладный палец ткнулся мне в середину лба.

Я подавил в себе желание вскочить, потому что знал, что увижу...

Черного, чернее самой ночи, человека с глазами-колодцами, говорящего множеством голосов богов и людей. Лоа Легба снова пришел в мой сон.

– А разве это не так? – спросил я тихо.

– Конечно нет, человек. Все не может быть так, как хочется тебе. Мир слишком сложен, чтобы заботиться о людях. Вы просто научились выживать на этой площадке для чужих игр. Игр, которые кажутся вам странными и даже страшными только потому, что вы не способны понять их.

– Я не понимаю тебя.

– А это странно, человечек, потому что я говорю с тобой на твоём языке. Открой глаза...

Я открыл глаза и, обмирая от ужаса, увидел, что на моей груди сидит давешний коротышка вождь и искривленными, словно ветви дерева, руками выдирает из моей раскрытой груди пенящуюся массу легких... Кровь из страшной раны заливает его лицо, тело, покрывает меня с головой, и я захлебываюсь в этом кипящем потоке. Захлебываюсь, чтобы проснуться в холодном поту.

Зло хватая ртом воздух, я поднялся. От пережитого волнения меня тошнило. Стены хижины и крыша казались низкой клеткой ловушки.

С трудом отдышавшись, я вышел наружу.

Темнота, хоть глаз выколи. Только светился факел между теми лачугами, в которых спали мои солдаты.

Кстати, там должен быть часовой...

Которого нет.

Я вернулся в хижину, вздернул автомат на плечо. Задумался – не разбудить ли Абе, но потом решил не поднимать паники понапрасну. Парень устает гораздо больше меня...

Вдруг мое внимание привлек невнятный звук, доносящийся из-за плотно закрытых дверей хижины. Какое-то глухое мычание. Казалось бы, что такого? Какому-нибудь мальчонке привиделся дурной сон, чего тут не приснится... Саванна...

Не знаю, что заставило меня потянуть на себя ручку плетеной из толстых прутьев двери. Может быть, мой сон, может быть, предчувствие чего-то неладного, может быть... Дверь неожиданно легко распахнулась, мне под ноги выкатилось нечто страшное. Нечто живое... Гниущее заживо, безногое, безрукое, с обезображенным лицом. И одного взгляда хватило, чтобы вспомнить страшный рассказ вечно пьяного инструктора и то слово, которым он обозначил ЭТО.

Объедок.

Он лежал у меня в ногах, извиваясь тем, что у него осталось от человеческого тела. Ловя воздух безгубым ртом. От омерзения и какого-то животного ужаса у меня перехватило дыхание, а желудок зашелся в трепещущем спазме.

Я не успел сдернуть автомат, когда на меня навалились, казалось, со всех сторон и сбили на землю. Я упал лицом вниз и, стараясь подняться, чувствовал, как чьи-то на редкость острые зубы впились мне в заднюю часть ноги, как раз туда, куда старались ущипнуть нас ребятишки... Цепкие пальчики закрывали мне рот, а чей-то локоть давил на мое горло.

Понимая, что у меня в запасе есть одно, максимум два движения, я резко оттолкнулся от земли и упал на спину, придавив всем весом чье-то захрипевшее тельце. Когда ослаб захват на горле, я вложил все силы в крик:

– К оружию!!! К оружию!!!

В начавшейся всеобщей свалке мне удалось вырвать автомат из чужих рук, и преимущество огнестрельного оружия свинцовой плотностью отделило меня от происходящего.

Мы ушли, когда солнце еще не взошло. В лес. Оставив деревню догорать вместе со всеми ее страшными тайнами. Я видел, как черный, чернее ночи, человек ходит между пылающими хижинами. Я видел, что он улыбается.

Вместо двенадцати нас осталось только восемь. Включая меня и Абе.

Зато проблему с сержантом решать больше не нужно было. Он, два его конвоира и греческий парень по фамилии Кристакис навсегда остались в деревне.

9. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Лейтенант Национальной армии Мозамбика

Вертолет появился в начале пятого и разбудил свистом роторов всех, кто не бодрствовал. Судя по всему, о спецгруппе Эймса Индуны многие слышали.

Вертолет опустился на посадочную, площадку, расчищенную среди деревьев и низкорослых кустов мопане, – большой пятнистый «Сикорский», способный пролететь тысяч пять километров без подзарядки, несущий солидное вооружение. В войсках его называли «летающий форт», иногда – «летающий морг». Даванув на барабанные перепонки, в последний раз свистнули и резко остановились роторы. Из открывшейся дверцы на траву прыгнул приземистый молодой африканец в защитном жилете и решительно направился к группе встречающих, а именно к майору Хоббсу, Нуйома и двум лейтенантам, с которыми я так и не познакомился. Я стоял поблизости.

Лейтенант Эймс, а это, несомненно, и был он, отдал честь и пожал руки офицерам. Из вертолета в это время вылезли остальные бойцы: черные, белые и даже один азиат. Капитан Нуйома тут же взял Эймса за локоть и повел ко мне, в то время как майор остался стоять столбом и, кажется, был оскорблен.

– Таманский, – представил меня Нуйома. – Это лейтенант Эймс, он же Индуна.

Я пожал очень сильную руку лейтенанта. Он был красив, очень красив. Красив первобытной, дикой красотой, и металлический обруч оливкового цвета на курчавых волосах, подстриженных шашечками, только подчеркивал эту красоту. На поясе у лейтенанта помещались подсумки с гранатами и два пистолета, из кармашков на жилете торчали запасные обоймы и батареи.

– Вы штатский? – спросил, а вернее, уточнил он.

– Да.

– Наденьте лейтенантские нашивки, – посоветовал он. – Мои люди не смогут работать со штатским. Мне сказали, что вы имеете боевой опыт.

– Имею, – кивнул я. – Правда, в городских условиях.

– Да, вы же из Москвы... Бывал там, – неожиданно сказал Эймс. – Хороший город. Но здесь лучше. Зовите меня Индуна.

Он говорил отрывисто и бесстрастно. Я решился и спросил прямо:

– Вы киборг?

– Конечно. Как и вся моя группа, – так же бесстрастно и отрывисто ответил он. – У вас есть еще вопросы?

– Нет, лейтенант.

– Зовите меня Индуна. Меня все зовут Индуна. И грузитесь в вертолет, нам пора.

Лейтенантские нашивки на меня нацепил Нуйома, отобрав их у одного из клеветников майора. Так я стал офицером мозамбикской армии. Неожиданно и не по своей воле.

Мы затащили свои нехитрые пожитки в прохладное нутро вертолета. Там, как ни странно, работала система «Микроклимат», из чего я сделал вывод, что группу Индуны снабжают хорошо.

Разместились вдоль бронестенок вертолета в мягких креслах. Федор ухитрился раздобыть два калебаса со своим любимым просынным пивом и теперь их поудобнее пристраивал. Эймс Индуна искоса посмотрел на него, но ничего не сказал. А один из бойцов, светлокожий европеец, даже улыбнулся. Насколько я понимал, глядя на их лица, это были киборги, но

киборги нормальные, а не живые автоматы для убийства. Живых автоматов на такую работу не берут. Живой автомат – это более разумный аналог запрограммированного бабуина, и только.

Эти ребята мне нравились. Войт смотрел на них с опаской, ворочаясь в кресле. Федор тарашился со смешанным чувством уважения и зависти, как и положено бывшему пехотинцу преступной группировки. Мой жирный вассал Карунга отчаянно трусил и потел, прижимая к животу вещмешок. Явно там лежала жратва.

Ни у кого из группы Индуны не было стандартных табличек с фамилиями, но из коротких реплик, с которыми они обращались друг к другу, я понял, что вон того мосластого черного, например, зовут Фиси. Имя это или кличка, я не знал. «Фиси» – значит «гиена», а гиена, вопреки известным примерам из классической литературы, считается хищником хитрым и беспощадным...

Белого, со щеточкой усов, зовут Борис. То ли русский, то ли француз, поди разбери. Разговаривали они все то на английском, то на африкаанс, иногда употребляли португальские слова.

Наконец задраили дверь, и вертолет поднялся. Шум моторов внутри почти не слышен, и я подумал, не вздремнуть ли – вон в какую рань подняли, но меня позвал Индуна. Он похлопал ладонью по сиденью рядом с собой.

– Что вы можете сказать о Мбопе? – спросил он, когда я сел.

– Не более, чем знаете вы. Осторожный, умный, расчетливый. Хороший тактик. Насколько мне известно, неплохой боец.

– Я не знаю, какова ваша реальная цель визита в Африку, но мы очень рады, что вы оказались в нужный момент в нужном месте, – честно сказал он, глядя мне в глаза.

Я уклончиво пожал плечами.

– Я имел беседу с генералом Мзандой, начальником оперативного штаба союзных сил, – продолжал Эймс Икдуна. – По ряду причин Мозес Мбопа для нас сегодня особенно опасен, и для его устранения послали мою группу. Я не знаю, чем вы сможете мне помочь, но генерал Мзанда просил передать вам привет от некоего Шептуна. Мне ничего не говорит это имя, но думаю, для вас оно что-то значит.

– Да, – Я вздохнул. Старина Шеп практически исчез из моей жизни, и расстались мы почти друзьями: долги исполнены, счета оплачены. Никак не думал, что он снова появится. Да еще здесь, в Африке! Феноменально. То ли этот Мзанда из его людей, то ли просто имеет свой интерес в делах Шептуна, то ли Шептун тут вообще ни при чем, а генерал играет на имеющейся у него информации обо мне и моем ярком прошлом...

– Вторая часть. Если вы скажете «да», я должен передать вам вот это, – Индуна вложил мне в ладонь небольшой плоский предмет.

Передачик типа «болид», в просторечии почему-то именуемый «эфирным пердуном». Одноразовая штучка, очень дорогая, обслуживаемая только релейными станциями правительственных уровней стран первой пятерки, защищенная от любого – или почти любого – прослушивания и способная действовать практически на любом расстоянии.

– Что мне делать дальше? – спросил я, хотя и сам представлял, что именно.

– Я уже набрал код. Ответьте, когда загорится синий огонек.

Синий огонек тут: же послушно загорелся, я поднес приборчик к уху. Лейтенант деликатно отвернулся.

– Привет, Скример, – сказал полузабытый голос. Связь была столь четкой, что казалось, Шептун нагнулся ко мне и говорит вполголоса...

– Привет, Шеп, – ответил я.

– Летишь над африканскими просторами? – Кажется, он улыбнулся. – Занесло же тебя.

– Развлекаюсь. Ты мне что-нибудь объяснишь?

– Первое: с тобой рядом парень, которого зовут Индуна. Это не мой парень, это ничей парень, но ты на него полагайся. Второе: я ни за что не стал бы тебя доставать, потому что мы с тобой не имеем взаимных претензий, но меня заставили. Понимаешь?

Это я понимал. Шеп в последние годы отошел от активной деятельности, но это только упрочило его позиции. Раз уж кто-то его заставил, значит, этот Кто-то – именно так, с большой буквы, он и должен писаться – может себе позволить и большее. Например, передать мне вот этот «болид».

– Понимаю.

– Третье: от тебя пока ничего не требуется, просто ловите Мозеса. Помоги ребятам, если сможешь. Если не сможешь – постарайся по крайней мере уцелеть сам. Надо же, старина Мозес... – Похоже, что Шеп снова улыбнулся. – С тобой найдут способ связаться, можешь быть спокоен. И еще: не доверяй никому, кроме Индуны. И тем людям, что с тобой, тоже не доверяй. Это не совет, это настойчивая просьба. Теперь я выключаюсь. Удачи тебе, Скример.

– Пошел ты в задницу, Шеп, – сказал я в уже замолкший приборчик. Теперь его можно было просто выбросить.

Индуна ничего не стал спрашивать, просто швырнул «болид» в прикрепленную к стенке урну для мусора. Вертолет неожиданно заложил крутой вираж, затрещали автоматические пушки.

– Кто-то находится в зарослях, – сообщил пилот из кабины. – На всякий случай пальнули, мало ли что.

– Точка высадки недалеко, – сказал мне Индуна, сверившись с маленьким экраном-картой на запястье. – Потом придется двигаться пешком. Вертолет нас будет ждать в условленном месте.

– Почему не сразу на вертолете?

– Хорошая мишень, – лаконично сказал Индуна. – Видна и слышна издалека.

Я вернулся на свое место, покачал головой в ответ на вопросительный взгляд Войта. Карунга трясся, держась за вещмешок.

– Ты откуда? – спросил я его, припомнив, что так и не успел познакомиться с новым членом отряда.

– Машаила, господин, – ответил он. Название мне ничего не говорило: видимо, какая-то деревня, может быть, уже не существующая.

– Доброволец?

– Да. Полгода в армии.

– Деньги?

– Нет, господин. Мой отец погиб в Хараре, мой брат погиб, он был летчик, мои две сестры погибли, они служили в ПВО. Моя мать умерла от «желтого Джека».

– Стало быть, месть?

– Не знаю, господин. Я очень толстый и трусливый, господин, в армии меня часто обижали. Я работал на складе, потом работал на кухне...

– Почему же капитан Нуйома всучил мне тебя?

– Наверное, он пошутил, господин. Он так шутит, господин.

Что ж, это было похоже на циничного философа и выпускника Вест-Пойнта – всучить белому в подручные жирного деревенского парня, который думает только о том, как набить брюхо и отсидеться в кустах. Естественно, Карунгу ему не жалко, а вот над шуткой он будет смеяться долго.

– Ты не бойся, – утешил я толстяка. – Смотри, какие храбрые парни летят вместе с нами. Мы вернемся, и тебе дадут орден. Я похлопочу.

– Правда, господин? – Он выпучил глаза.

– Правда, правда.

Кажется, это его несколько успокоило.

Я стал смотреть в иллюминатор. Чуть левее и ниже из-под брюха вертолета торчало рыло шестиствольной автоматической пушки. Еще ниже было видно шасси. А под нами, в сотне метров, проносились буйные заросли растительности, среди которых то и дело мелькали выжженные проплешины. Блеснула под солнцем река. На уютной равнине, поросшей зеленой травой, паслись антилопы, возможно, куду, я не разбираюсь в их породах. Паслись мирно и даже не среагировали на пролетающий вертолет.

Африканская природа, конечно, пострадала от войны больше, чем европейская после тактических ядерных ударов. Ядерный гриб давно уже перестал быть жутким пугалом, как в конце прошлого века. Дезактивация продвинулась далеко вперед, появились многочисленные лекарственные средства, так что последствия ядерного взрыва в сравнении с тотальным многолетним применением боевых мутагенов кажутся теперь ничтожными. Ну, не стало старой Москвы, не стало еще нескольких крупных городов в Европе и Америке, не стало десятка островов в мировом океане... Это не страшно. Все последствия можно было просчитать. А просчитать то, что творится на Черном континенте, невозможно. Ни маршал Ауи, ни его противник Нкелеле, ни десятки вояк рангом ниже не могут этого просчитать, да и не стремятся к этому.

Четыре года назад корреспондент «Крисчен сайенс монитор» взял интервью у Нкелеле. До того и с тех пор Нкелеле не общался с прессой и обращался к народам только посредством печатных пропагандистских листов.

Интервью произвело странное впечатление.

На вопрос, какова основная цель развязанной войны, Нкелеле ответил коротко: «Война».

На вопрос, когда он будет считать эту войну законченной, Нкелеле ответил: «Война не заканчивается. Она только затухает, как брошенный костер, но под золой всегда найдутся угли, либо на пепелище другой путник разожжет еще один костер...»

На вопрос о том, какое оружие нельзя использовать, Нкелеле ответил: «Такое, которое убивает слишком мало врагов».

Характерно, что тогда Нкелеле еще не считали кибернетическим шизоидом: он был одним из удачливых военных, сбросивших президента или императора, чтобы стать во главе государства самому. Поскольку за Нкелеле была сильная заирская армия и Ангола с ее вооруженными формированиями, многие страны стали искать с ним сотрудничества. Маршал Ауи появился менее эффектно, но сразу нашел себе верных союзников в лице Кении и Танзании. Честно говоря, и маршал Ауи проигрывал в сравнении со своим кровожадным противником. Складывалось впечатление, что Ауи был каким-то... более настоящим, что ли. Хотя, когда речь идет о применении обеими сторонами боевых мутагенов и бактериологического оружия, о том, кто более настоящий и человечный, рассуждать не приходится.

Желудок холодным комом бросился к моему горлу, и я сообразил, что «летающий морг» садится. Кто-то из ребят Индуны распахнул дверь и спрыгнул вниз метров с двух, остальные посыпались следом. Я помог выбраться толстяку Карунге и Войту, тащившему свои камеры, потом выбрался сам – вертолет уже висел над самой землей, вернее, над густой порослью меч-травы. Федор выскочил последним, и «Сикорский» взмыл вверх. В бронеколпаке мелькнуло лицо пилота, машущего нам рукой, и машина по плавной дуге ушла на юг, скрывшись за кронами деревьев.

Федор громко, от души матюкнулся.

– Что такое? – спросил я.

– Пиво забыл!

– Пилоты будут рады, – хохотнул один из бойцов, белый крепыш. – Не переживай, земляк, ты сам бросил бы эти калebasы через полчаса.

Федор пожал плечами, потом присмотрелся к говорившему:

– Ты что, из наших?

– С чего бы? Просто русский знаю, – сказал тот на чистом русском и занялся своей поклажей.

– Идем вот туда. – Эймс Индуна указал на видневшийся в сырой дымке утес, поднимавшийся над лесом неприветливой глыбой. – Впереди – Фиси, Мерв, Джонни. Правый фланг – Борис, Зак, Уэтли. Левый – Макс, Алан, Лонг Джон. За тылом смотрят Эгон и Клод. Остальные идут в центре группами по двое-трое, интервал два метра.

Названные почти бесшумно исчезли в зарослях.

– Вы держитесь возле меня, – велел Индуна.

К его снаряжению, которое я видел при посадке, прибавился не очень большой рюкзак и крупнокалиберный пистолет-пулемет «астра» со страшного вида магазином. Эта махина легко пробивала бронетранспортеры, я такое видел.

Войт щелкнул его своей камерой, за что получил предупреждение:

– Не делайте так больше, пока я вам не разрешу.

Через пару минут меня укусила в шею буйволиная муха, чрезвычайно злобное насекомое. Насколько я помнил инструктаж, муха эта переносила много всякой дряни. Оставалось надеяться на прививки. По такому случаю я проглотил компенсаторы и угостил ими своих.

– лейтенант, – позвал я Индуну, – лейтенант, объясните мне, раз уж мы расхлебываем эту кашу вместе: какого черта вы решили, что Мбопа именно здесь?

– Данные спутниковой разведки.

– Свежие?

– Более чем. Кроме того, он оставляет за собой заметный след. Я думаю, пару деревень мы обнаружим, сами увидите. Это страшный человек.

– Здесь все страшные, – буркнул я, срубая ножом цепкую лиану, пытавшуюся ухватить меня за плечо.

Толстяк Карунга трусил рядом со мной, стараясь не отходить ни на шаг. То ли хотел получить орден, то ли просто поверил мне после разговора в вертолете. Свой автомат он нес под мышкой, словно поросенка с рынка.

– Ты что-нибудь знаешь об этих местах? – спросил я, вытирая пот.

– Плохие места, господин, – с готовностью сказал Карунга, – Плохие места, плохие люди.

– Бывал тут раньше?

– Сам не был, много слышал, господин. Людоеды, господин, страшные звери...

– Звери-людоеды? – не понял я.

– Звери страшные, людоеды страшные... – бормотал Карунга.

Я понял, что путных разъяснений все равно не получу, и отстал от него.

Когда из зарослей прямо перед нами появился Фиси, шедший в авангарде, я едва не вскинул свой «пигмей».

– Деревня, – сказал он Индуне, укоризненно глядя на меня. – Сожгли напрочь.

– Чья?

– Вамакуа.

Индуна сплюнул с отвращением. Поймав мой взгляд, он объяснил:

– Людоеды. Я думаю, вы слышали много историй про них.

– Племя?

– Почему племя? Деревня. Никто не говорит, что все вамакуа едят людей. Просто здесь иногда нечего больше есть. А люди приходят постоянно... Уходят-то вот не все.

Деревня после быстрого, но безжалостного пожара превратилась в груды головешек. Там и сям еще курился едкий дымок, потрескивали угли. Отовсюду несло жаром.

Я споткнулся обо что-то, это был труп ребенка. Со скрюченными ручонками и опухшими суставами, с острыми оскаленными зубами. Отшатнувшись, я увидел рядом труп взрослого,

голово, даже без набедренной повязки, немногим отличавшегося от ребенка. Этот лежал навзничь, простроченный поперек живота автоматной очередью.

– Один есть, – крикнул кто-то из наших сквозь дымные завесы.

Возле несгоревшего плетеного строения лежал на боку, подтянув к груди согнутые ноги, военный в ангольской форме. Он был мертв. Из спины его торчало изогнутое копьё, а все вокруг было залито кровью. Копьё мало того что воткнули, так еще и повернули несколько раз в теле воина. Стоявший рядом Карунга посерел и, отвернувшись, принялся громко блевать.

– А вот и вождь, – сказал Индуна.

Видимо, этот старичок с нелепым украшением из перьев в волосах и проткнул солдата Мбопы. Вождь лежал метрах в двух, протянув вдоль тропинки тощие руки, затылок его был разможен.

– Я же говорил – будут видимые следы, – сказал Индуна, поправляя свою «астру». – Они потеряли здесь четверых. Мбопа, похоже, очень устал, не почувствовал обстановку. Не знаю, сколько уж у него осталось от отряда, но вырезали всю деревню. Грехом это не назовешь.

– Они что же, людей ели? – спросил Войт, фотографируя труп вождя.

– Посмотрите, у них там хлеб, – махнул рукой Индуна. – Не все сгорело до конца, так что несколько тел вы увидите. Возможно, даже найдете соотечественников. Их тут любят использовать в качестве консервов больше, чем черных. Говорят, они вкуснее.

– К тому же белые меньше болеют, – добавил Фиси, невозмутимо вынимая из нагрудного кармана шоколадный батончик. Содрал цветную обертку и с аппетитом откусил большой кусок. – А соответственно – лучше хранятся.

Вот тут вывернуло и меня.

10. МОЗЕС МБОПА

Бывший лидер группировки «Независимые черные»

День или ночь?.. Во влажном полумраке тропического леса временем управляют только две часовые стрелки. Из суток остался только тягостный вечер, и нет ему конца, как нет конца нашему пути. Солнце застряло где-то за горизонтом, и не светит, и темноте наступить не дает.

Лес, который окружал деревню людоедов, выглядел хилым только вначале. Буквально через километр мы словно пересекли некую невидимую границу – деревья вытянулись, стали гуще и вскоре закрыли от нас небо. Мы попали в вечерние сумерки, хотя на невидимом небосклоне солнце достигло зенита.

Мутагены попали здесь в благодатную почву. Они подняли деревца ввысь, превратили небольшой лесок в джунгли. Вся растительность размножалась с невероятной скоростью. Если рискнуть и остановиться всего на минуту, можно увидеть, например, как мох за считанные секунды оплетает дерево снизу доверху и как дерево борется с ним, выделяя особые вещества. Можно увидеть, как лианы, словно щупальца неизвестного животного, впиваются в кору поднебесных гигантов, семена которых случайно упали однажды в эту отвратительно живую грязь, да так и остались в ней. А может быть, это были не лианы вовсе... Кто знает, что могло зародиться в этой изгаженной человечеством земле?

Проваливаясь по колено в слой гниющих листьев, мы едва-едва делали два километра в час. Впрочем, вряд ли кто-нибудь сумел бы в этом лесу двигаться быстрее...

Я скормил своим ребятам почти весь имеющийся у нас запас мутагенных компенсаторов. Если они закончатся раньше, чем мы пройдем опасную зону, стерилизация нам обеспечена. В принудительном порядке, в соответствии с Пражской конвенцией от сорок четвертого года «О координировании мер по устранению последствий применения мутагенных веществ». Какой-

то умник мне сказал, что самое страшное – это ядерное оружие. Мол, человечество погибнет в атомном огне и все такое...

Хренов сто! Этого бы умника да в этот лес. Который и границ-то не имеет. Сколько идем... А по карте – так должны уже в саванне пыль жрать.

Я с отвращением оторвал от щеки белого червя, который усердно пытался вбуравиться мне под кожу.

Дерьмо! Какое дерьмо! Одно сплошное...

Что я такого сделал в прошлой жизни, что меня бросают в это дерьмо?!

Впереди произошла какая-то заминка. Я поспешил к голове нашей маленькой колонны.

О нет...

Я увидел, как бледный Чиконе, одной рукой держась за живот, а другой вцепившись в рукав поддерживающего его солдата, старается усмирить свои не вовремя разбушевавшиеся кишки.

– Привал, – скомандовал я. – Но никому не садиться, слышите?! Если, конечно, не хотите быть сожранными заживо какой-нибудь инфузорией-туфелькой. Чиконе... Не дотерпишь?

Он только помотал головой. Несчастный парень, ему сейчас белый свет с овчинку кажется... Но нельзя ему тут... присаживаться. Обязательно заразу подхватит. Не приведи господь, синюю амёбу или кольчатого червя Крюкова, который, попав в благоприятную среду, начинает размножаться с невероятной скоростью, да еще вдобавок выделяет какой-то редкий токсин в качестве отходов собственного организма. Видел я несчастных зараженных, в ангольском лагере... Поначалу их еще лечить пытались, пока не стало ясно, что единственное облегчение для несчастных – это ампула с цианидом.

– Чиконе... Вали под себя.

– Да, мой генерал... – Вид у него был отрешеннейший.

На миг он замер. Потом расслабился. На лице обильно выступила испарина.

Не давая ему осмыслить происшедшее и надеть очередных глупостей, я скомандовал:

– Вперед! Живее, мы отстаем от графика.

От какого графика?..

Мы прошли еще километра два, когда Чиконе вдруг сделалось совсем плохо. Он согнулся пополам, опершись на ствол автомата. Закашлялся. Побелел, а затем его вырвало чем-то синим.

– Отойдите от него! – закричал я тем, кто кинулся подхватить падающего солдата. – Не прикасайтесь! Назад...

Когда я подошел к нему, Чиконе уже не мог стоять и медленно опустился на колени. Лицо смуглого итальянца было характерного голубого цвета.

Живой труп. Пока живой...

– Джузеппе... – негромко позвал я.

Он поднял голову, и я поразился, насколько быстро болезнь взяла свое. Глаза ввалились, из носа текла струйка крови.

– Мой генерал?.. – Голос призрака.

– Прости меня, Джузеппе.

Он даже попытался улыбнуться, но согнулся. Ему снова стало плохо.

– Абе, веди отряд дальше. Я догоню вас через полчаса.

Шесть человек, возглавляемых безмолвным Абе, исчезли за деревьями.

Чиконе начал сползать в собственную блевотину.

Я ухватил его за шиворот, вернул в исходное положение. Плевать на бактерии. Инфузории, мать их...

Я не могу позволить своему солдату подышать в дерьме!

Вы мне заплатите! Все! Сволочи! Заплатите за это дерьмо, за эту гнусь, в которую вы превратили мою землю!

Послышалось шипение. Прислушавшись, я понял, что это Чиконе пытается что-то сказать. Нагнувшись к нему, я разобрал только одно слово:

– Генерал... Генерал... Генерал...

Он уцепился за мою штанину, вытянул руку вперед, согнул ладонь, словно обхватывая что-то, и несколько раз дернул указательным пальцем... В воздухе стояла страшная вонь.

– Я понял, Джузеппе. Я понял. Хорошо...

Он отпустил мою ногу и, опустив голову, стал ждать, не переставая что-то шептать.

Достав пистолет, я услышал, как Чиконе внезапно внятно и четко произнес:

– Мама?

Что он увидел там, в последние секунды своей жизни, умирая от грязной инфекции в изувеченных мутагеном Джунглях? Я не желал бы этого знать.

Не дожидаясь следующего приступа болезни, я выстрелил рядовому Чиконе в затылок.

Выстрел глухо прозвучал среди деревьев, порождая дробное эхо.

– Странные вы существа, люди, – произнес за моей спиной знакомый голос, – Играете в чужие игры. Гадите. Уничтожаете. Берете, не задумываясь, что все когда-то кончается. Стремитесь приблизиться к богам, все дальше и дальше уходя от них.

– Заткнись...

– Вы втоптали природу в грязь так, что она уже и сама не знает, чем была до вас и чем является на самом деле. Даже мы боялись обращаться с ней так, как это делаете вы.

– Заткнись! – Я крепко сжал рукоять пистолета, чувствуя, как удобно улеглась она во вспотевшей ладони.

– Пьяная от крови, грязная благодаря вашему существованию, уличная девка Природа шатается под вашими окнами. Горланит дешевые песни, заигрывая с вашим детищем, Прогрессом. И вы даже не догадываетесь, какие это опасные соседи. Природа и Прогресс. Вы даже не думаете, какими могут получиться их дети.

– Заткнись. Иначе я убью тебя, – произнес я, чувствуя, как страх перед этим древним созданием посмеивается за моей спиной.

– Не убьешь, хотя меня бы это не удивило. Мне...

Я резко развернулся и выпустил четыре пули из личного «магнума» в грудь черному, чернее ночи, человеку. С радостью видя, как за секунду до выстрела посерело лицо старого Легбы. Страх был написан на этом лице.

Минута растянулась...

Медленно, очень медленно лоя прикрыл четыре дымящихся отверстия ладонью.

Медленно, очень медленно он убрал руку, проведя пальцами по нетронутой черной коже...

Я снова посмотрел в его лицо и увидел, как страх сменяется удивлением.

Вокруг мертвого тела Джузеппе Чиконе противно шевелилась палая листва. Изломанная человеком, неестественная, неправильная жизнь спешила жить. Я отвернулся, я не хотел на это смотреть.

Под зеленой крышей леса глухо бродило эхо моих выстрелов, оно сопровождало меня, когда я двинулся догонять отряд.

Стоп! Какое эхо!

Я встряхнул головой...

Какое, к черту, эхо?! Это выстрелы!

Я побежал.

Низкие ветви били меня по лицу, лианы преграждали путь. Я даже едва не упал. Но продолжал бежать.

Когда я догнал своих ребят, их осталось только трое.

Еще трое лежали в отдалении, внимательно вглядываясь мертвыми глазами в зеленую темноту. Пожухлый ковер вокруг них уже начал вздрагивать, слышался тихий шорох шевелящихся листьев, лианы протягивали щупальца к своей законной добыче.

– Мой генерал. – Это Абе.

– Что случилось? – спросил я, с трудом переводя дыхание.

– Бунт, мой генерал... – ответил он просто. – Эти трое подбивали остальных к побегу. Они хотели перейти на сторону противника и сдать им вас в качестве военнопленного. Вот список с их фамилиями.

Я скомкал листок, подсунутый мне предусмотрительным денщиком. Фамилии трех неудавшихся дезертиров я знал и без того. Именно эти три недоумка входили в число любимчиков сержанта.

Баба с возу – кобыле легче.

Помимо меня и Абе, в моем отряде остались Коваленко, сменивший разряженную «пустоту» на один из «стингеров», и хмурый Ламбразони со снайперской винтовкой на плече.

Коваленко растирал опухшую левую ладонь, на которой появились волдыри.

– Что это у тебя?

– А! – Он беззаботно махнул рукой, – Скунс, вонючка... Когда заварушка пошла, я упал, а там эта тварь. Струей.

– В Африке сунсы не водятся... – сказал я.

– Да? – Коваленко сплюнул. – Ну, значит, какая-то тварюшка. Кислотная. Ожегся.

– Хорошо, что не в лицо... – пробормотал, я наблюдая, как исчезают под толщей листьев трупы дезертиров.

– Хе, лицо... Скажете тоже, мой генерал. Что мне лицо Потеря не великая, а вот рука... «Стингер» тяжело держать. Больно... Могу промазать.

– Ничего, я подстрахую, – тихо сказал я, взваливая на плечо второй «стингер».

– А вы умеете? – удивленно спросил Коваленко.

Я посмотрел на свою команду.

И вдруг понял, что Марко Ламбразони совсем не хмурый, а просто спокойный, как удав. И надежный, как нож.

Коваленко не щуплый, а просто жилистый и не ел давно. Так, чтобы от пуза... А Абе просто мой брат. Мой черный брат.

И за каждого из них я отдаю свою жизнь. И если бы я понял это раньше, может быть, и Джузеппе был бы жив...

– Пошли, орлы мои! – сказал я и пошел вперед первым

Мы прошли этот лес за день и вышли из него уже на заходе солнца. Без привалов, не решаясь ни останавливаться, ни есть в этом кишашем заразой месте, держась на одних стимуляторах.

Перед нами пыльная дорога и ржавый, бог весть какого года, указатель со стрелкой и надписью «Камбулацици». Цифры были неразборчивы.

– Привал! – скомандовал я. – Ждем транспорт...

11. КОНСТАНТИН ТАМАНСКИЙ

Лейтенант Национальной армии Мозамбика

– Мунья, мабили, зинтхату, йолала умдаде уэтху, – бормотал Джонни, сидя возле меня и заливая аэрозолем ногу, распоротую острым листом травы, не уступающим по жесткости цинку.

С Джонни мы познакомились после визита в деревню, когда Индуна вернул его из авангарда и он пошел возле меня.

Джонни был самый молодой в группе Индуны и служил там всего три месяца. Перевелся он из морской пехоты, имел очень высокий коэффициент искусственных изменений, но разговаривать с ним было приятно. Джонни был сыном белого англичанина и голландки из ЮАИ, но о своих родителях вспоминать не желал.

– Что это означает? – поинтересовался я, отпивая из фляги. Вода имела мерзкий химический вкус, но лучше уж пить такую, чем изойти кровавым поносом.

– Раз, два, три, ложись спать, маленькая сестренка... – улыбнулся он. – Колыбельная.

– У тебя была сестра?

– Она и сейчас есть. Живет в Дурбане, работает диспетчером в грузовом порту. Я не видел ее с детства.

– Бросил бы ты все это, Джонни, – посоветовал я. – Не мое, конечно, дело, но бросил бы...

– А смысл? – почему-то весело спросил он, защелкивая крышечку баллона. – Смысл в чем? Я умею воевать, больше ничего. Я кибернетический организм, господин лейтенант, и в мире людей мне просто нечего будет делать. Работать на заводе? Строить дома? Я не для этого предназначен.

Он помолчал, убирая аптечку в рюкзак.

– У меня был друг, чокнутый модификатор, – сказал он. – Учился со мной в школе. Я видел его недавно в Антананариву. Мы суем в себя железяки, микросхемы и матрицы, пытаемся изменить организм, усовершенствовать его. А Скай – друга зовут Скай – делает наоборот. Он модифицирует свое тело, удаляя ненужные части. Отрезал себе несколько пальцев, половые органы, ухо, язык... Теперь вот хочет удалить часть желудка, причем самостоятельно, без посторонней помощи. Чокнутый, но по-своему прав. Чем я лучше? Или лейтенант Индуна?

– Все по-разному смотрят на проблему искусственных изменений, – уклончиво ответил я.

– Скажите лучше, зачем вам никчемный толстяк? – Джонни кивнул в сторону Карунги, спящего на траве.

– Подарок капитана Нуйомы.

– За такой подарок не благодарят... Он не дойдет.

– Он вынослив, – возразил я.

– Не до такой степени, как вам кажется. Нужно было оставить его в вертолете.

– Не подумал, – развел я руками. – Конечно, так было бы лучше.

– Вот из-за таких мы до сих пор топчемся на линии фронта. Никчемный жирный тип, – зло сказал Джонни.

– Жирный, как баобаб.

– Это еще что? – изумился он.

– Стихи. Юба Уэтху, кажется. Африканская поэтесса.

– Господи, сколько ненужного дерьма вы знаете, – едва ли не брезгливо сказал он.

Как всегда неслышно подошел Эймс Индуна и сказал:

– Мы можем догнать их по реке. Только что Мерв связывался с базой, они находятся ниже по течению.

– Поплывем? Это же африканская река, – усомнился я.

– Поэтому поплывем на лодках. Здесь недалеко деревня, попробуем реквизировать несколько макоро. Это такие долбленые лодки, – пояснил Индуна. – В зависимости от их количества и будем решать, кто пойдет вперед.

Деревенька висела над самой рекой, некоторые дома стояли на сваях. Голые детишки плескались на мелководье, но при виде нашего отряда с визгом попрятались. От реки тянуло сыростью, пахло рыбой, развешанной между хижинами.

Фиси – он, видимо, был знатоком языков – что-то крикнул и повел стволом автомата. Из ближней хижины высунулась толстая старуха, ее грудь свисала едва ли не до колен. Она скрипуче ответила, Фиси покачал головой и ткнул стволом в сторону рыбы. Старуха жалобно вскрикнула и затрясла руками, то ли проклиная нас, то ли жалуясь на судьбу. Из-за ее спины появился парнишка-подросток в обрезанных до колен армейских штанах и пошел к берегу, Фиси проследовал за ним.

– Четыре лодки, – сообщил он, вернувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.